

Б. НЕБЫЛИЦКИЙ и Т. БУНИМОВИЧ

В ОСВОБОЖДЕННОЙ КОРЕЕ

Детиз. 1949

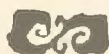

Б. НЕБЫЛИЦКИЙ и Т. БУНИМОВИЧ

В ОСВОБОЖДЕННОЙ КОРЕЕ

*Записки
кикооператоров*

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1949 Ленинград

Фотоиллюстрации в тексте
Б. НЕБЫЛИЦКОГО,
Т. БУНИМОВИЧА
и
С. КИСЕЛЕВА

Обложка, форзац и титул
Н. ШИШЛОВСКОГО

Консультант книги
В. СМОЛЕНСКИЙ

31460

1957-58 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

Корея. На тысячи километров простирается береговая линия огромного полуострова. Скалы, отвесно уходящие в море, скопление холмов и гор — такой предстает Корея перед взором путешественника.

ГЛАВА I

ПУТЬ НА ВОСТОК

Мы летим на восток.

Серебристый «ЛИ-2» стремительно несется над землей, затянутой сероватой дымкой. Крылья самолета блестят в лучах осеннего солнца.

Сквозь окошко видны подмосковные леса, слегка припудренные первым октябрьским снежком.

Величественная панорама родной страны разворачивается перед нами. Мы летим над могучим хребтом Урала и видим, как с земли поднимаются ввысь сизые облака пара и дыма магнитогорских печей.

Самолет проносится над просторами Барабинских степей, где среди выжженной солнцем травы мелькают голубые овалы степных озер, уже подернутых первым ледком.

Далек наш путь. За тридцать пять летних часов мы должны преодолеть двенадцать тысяч километров и опуститься в древней восточной стране — Корее.

Сквозь разрывы облаков проплывает величественный Байкал.

Могучие штормовые валы, налетая на берег, разбиваются в тысячи брызг. Кажется, будто волшебное зеркало Байкала лежит в пенистой серебряной оправе.

Но вот облака скрывают Байкал, и за ним мы часами летим над выжженными солнцем вершинами Яблоневого хребта.

Поздняя осень заставила тайгу сбросить свой яркозеленый убор. Опавшие листья багровым цветом покрывают густые лесные массивы.

Наконец под крыльями самолета показался Амур — широкая водная артерия советского Дальнего Востока. На берегу Амура четко вырисовываются квадратики домов Хабаровска.

В Хабаровске мы пересаживаемся на поезд и мчимся дальше.

Через день мы снова в воздухе.

Теперь под нами голубые просторы

Японского моря. Оно сияет, искрится, ласкает глаз всеми оттенками синего цвета — от темного индиго внизу до нежной лазури на горизонте. Мы летим над нашими советскими водами, над заливом Петра Великого.

Но вот справа по курсу появляются

темножелтые очертания берега, который прорезает какая-то светлая полоска.

Это река Туман-ган — граница Советского Союза и Кореи.

Цель нашего путешествия уже близка.

ЗАОЧНОЕ ЗНАКОМСТВО

Это было в один из октябрьских дней 1946 года.

Зима в ту пору пришла необычно рано, и дни по-зимнему уже были коротки.

Мокрый снег крупными хлопьями ложился на землю. Не успевала рассеяться утренняя мгла, как сумерки вновь окутывали город.

В предвечерние часы читальный зал библиотеки имени Ленина кажется нам особенно уютным.

Мягкий, матовый свет настольной лампы падает на небольшую стопку книг. Это все, что нашлось о Корее в огромных хранилищах столичной библиотеки. О Корее писали мало, писали подчас случайные люди, писали давно.

С любопытством мы раскрываем старые книги, стремясь побольше узнать о далекой, неведомой стране, куда лежит наш путь, пытаюсь отыскать крупинцы истины среди анекдотов и небылиц.

Но сведения, получаемые нами, самые разноречивые. В одной книге читаем: «Природа Кореи скудна и неприветлива. Первые исследователи долго плыли вдоль угрюмых берегов, тщетно разыскивая место, где бы укрыть судно от волн и ветра». В другой — совершенно иное: «Природа Кореи способствует человеческому существованию.

Климат теплый. Растительность богата. Сады и нивы плодородны. Извилистые берега изобилуют многочисленными удобными гаванями».

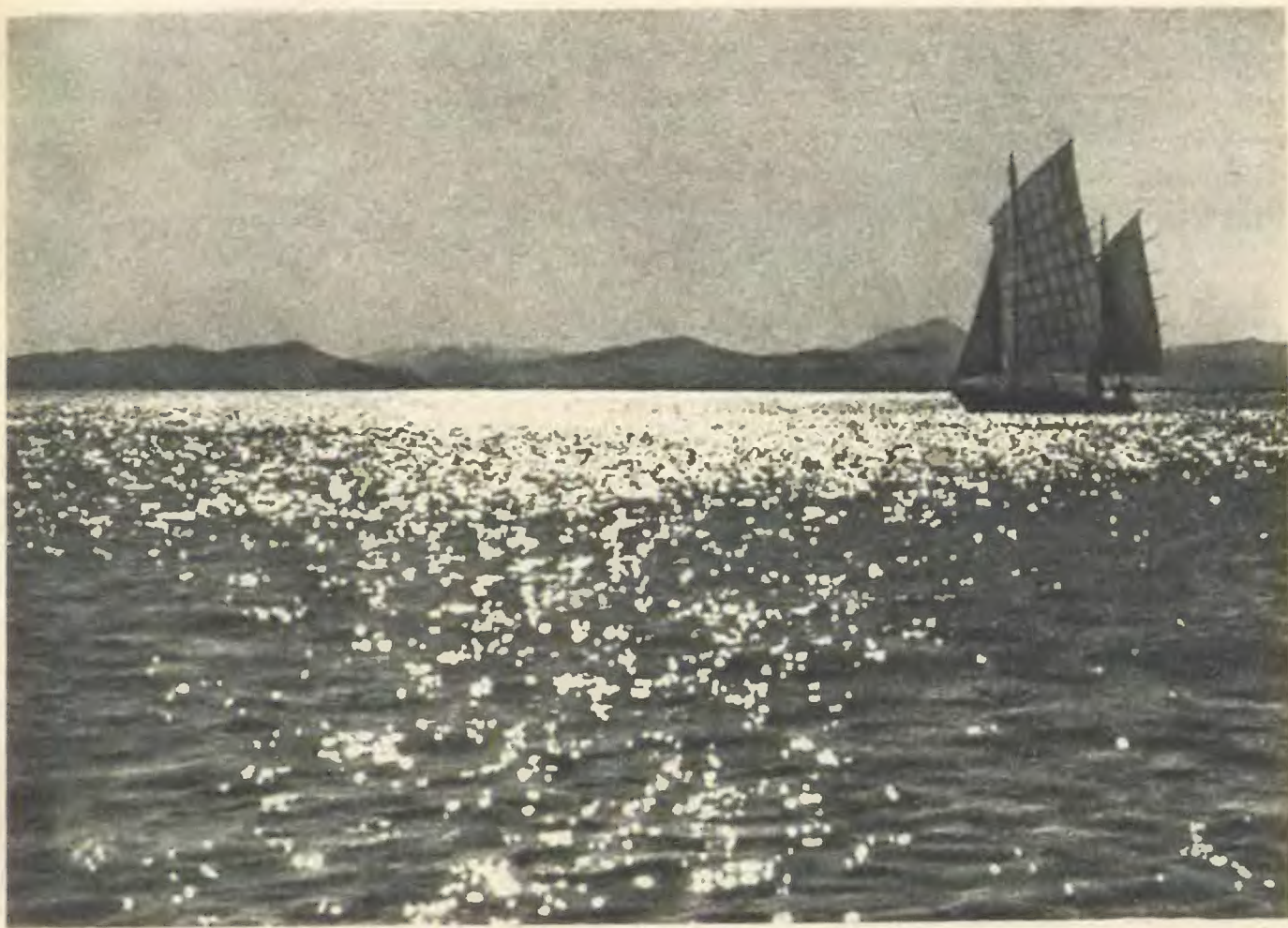
Или вот категорическое утверждение: «Недра Кореи бедны полезными ископаемыми». А в другой книге можно прочесть, что «горы Кореи богаты полезными ископаемыми; здесь много каменного угля, золота, цветных металлов».

В достоверность тех или иных описаний трудно поверить.

Да можно ли ждать правды от таких авторов, как французский миссионер, или американский «турист», или некий царский чиновник, «состоявший при канцелярии амурского генерал-губернатора», которые когда-то писали о Корее!

Такого рода путешественники пренебрежительно, по-барски отзывались о корейском народе, извращали его обычаи и быт, охотно расписывали чайные домики и в лучшем случае сообщали цены на извозчиков.

За исключением обстоятельного труда «Описание Кореи», составленного группой русских исследователей и изданного в 1900 году, очерков путешественника Лубенцова и книги русского ученого Н. Кюнера, мы не нашли ни одной серьезной работы об этой стране.

У берегов Желтого моря.

„СТРАНА УТРЕННЕЙ СВЕЖЕСТИ“

Любопытно, что в ряде прежних книг и статей Корея называется по-разному: «Запретная страна», «Страна забвения», «Замкнутая страна», «Забывтая страна», «Страна-отшельник». В этих наименованиях нашел свое отражение длительный период в жизни Кореи, когда страна на протяжении почти трех веков (с XVI по XIX век) находилась в состоянии полной обособленности, изоляции.

Но наряду с ними и по сей день существуют многочисленные другие наименования, большинство из которых имеет свою сказочную историю.

Древняя легенда повествует, что один китайский вельможа, по имени Цзицзы, по-корейски — Кыйдя, состоявший при дворе богдыхана, совершил преступление и был приговорен к смертной казни. Вельможа поспешил скрыться. Слуги богдыхана разыскивали его по всей стране, и он не мог ни дня прожить спокойно.

Тогда вельможа решил покинуть пределы Китая. Он бежал на Корейский полуостров, где, по преданию, основал могучее государство с сильной армией. Отныне вельможа мог спать спокойно, так как был уверен, что слуги

богдыхана его не отыщут и не появляться внезапно поутру, чтобы отрубить ему голову. В честь своего счастливого избавления от кары он назвал Корею «Страной спокойного утра».

Эта легенда, повидимому, была создана китайскими придворными историками для того, чтобы доказать, что Китай испокон веков имел права на Корею.

Название «Страна спокойного утра» послужило источником еще ряда сходных наименований: «Страна утреннего спокойствия», «Страна утренней тиши-

ны», «Страна утренней зари», «Страна утренней ясности», «Страна утреннего цветка».

Чтобы из всех этих многочисленных названий выбрать наиболее правильное, лучше всего прислушаться к голосу народа. Корейский народ веками называет свою родину поэтическим именем «Чосон», что означает «Страна утренней свежести».

Общепринятое среди европейцев название «Корея» установилось по имени, которое эта страна носила в X веке — Корё.

ГЛЯДЯ НА КАРТУ

Откроем географическую карту Азии и разыщем на ней Корею.

На самом крайнем востоке азиатского материка, южнее нашего советского Приморья, находим выдающийся далеко в море огромный полуостров. Этот полуостров и есть Корея.

Площадь Кореи — 220 650 квадратных километров; она почти равна Англии.

Полуостров с трех сторон омывается морями: на востоке — Японским, на юге — Восточно-Китайским, на западе — Желтым морем.

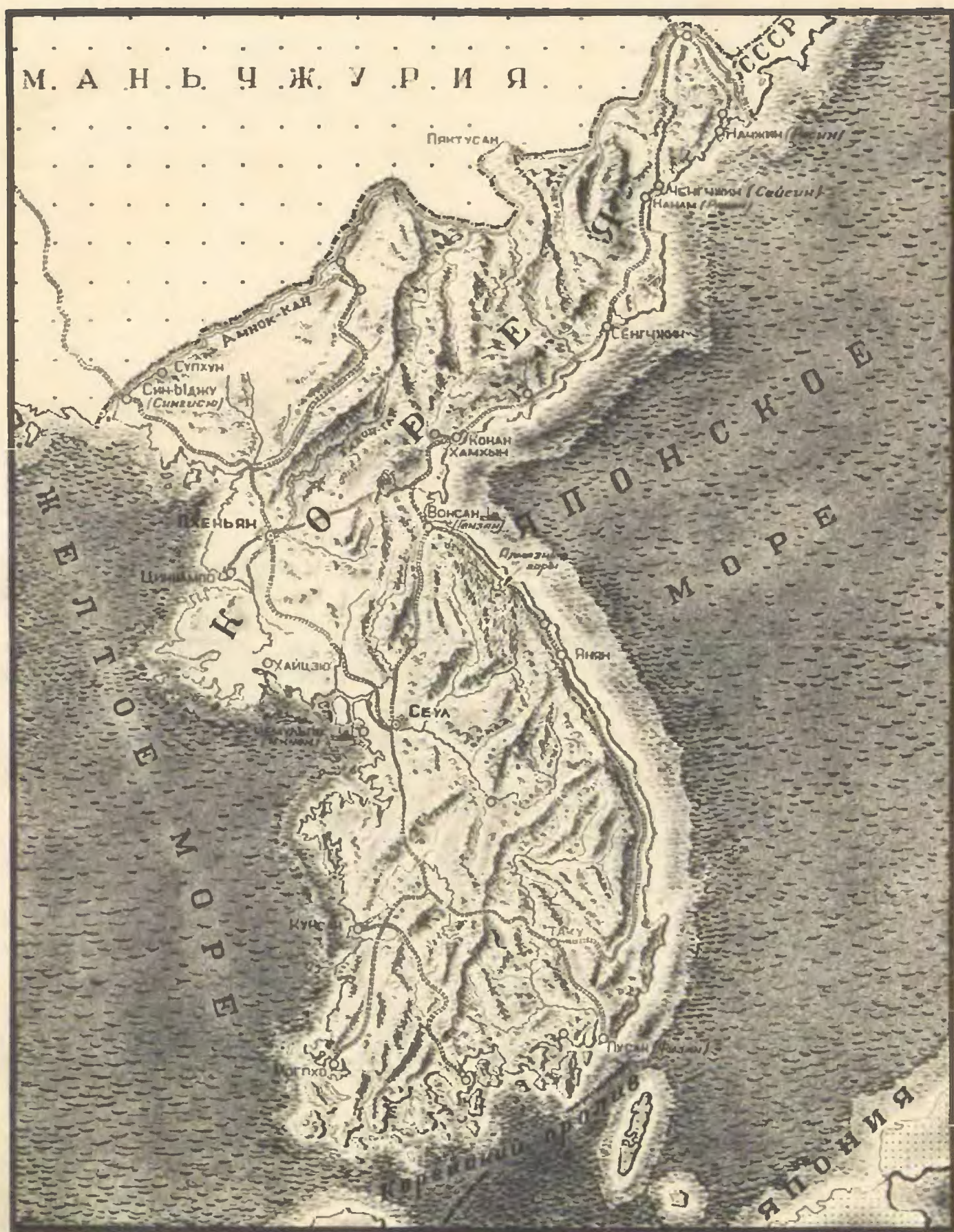
С первого взгляда кажется, что горные хребты хаотически пересекают Корейский полуостров в разных направлениях. Русский путешественник Лубенцов писал: «Поверхность Кореи похожа на взбаламученное море, застывшее в этом положении».

Но если внимательно присмотреться к карте, можно проследить направление горных систем. Самый важный горный хребет, называемый Чанпьясан, простирается с севера на юг вдоль восточного берега страны.

К югу горы постепенно понижаются, превращаясь в беспорядочное скопление холмов, и на крайней южной оконечности полуострова исчезают вовсе, уступая место широкой плодородной низменности.

Высочайшая гора Пяктусан (2744 метра над уровнем моря) представляет собой застывший бездействующий вулкан с живописным озером вместо кратера у самой вершины. Гора Пяктусан издавна считается у корейцев святым местом. У подножья ее берут свое начало две самые крупные реки Кореи. Эти реки текут в прямо противоположных направлениях. Река Амнок-кан течет с северо-востока на юго-запад, в Желтое море. Амнок-кан служит естественной границей между Кореей и Маньчжурией. Река Туман-ган течет с юго-запада на северо-восток, в Японское море, и в нижнем своем течении служит естественной границей между Кореей и СССР.

По своему географическому положению Корея занимает важное место в восточной Азии.

Корея. Схематическая карта

На северо-западе она граничит с Маньчжурией. К западу от Корейского полуострова, на противоположном берегу Желтого моря, находятся населенные и богатые провинции Китая. Лишь четыреста километров водного пространства отделяют Корею от Ляодунского полуострова с его важными пор-

тами Дальний и Порт-Артур. С юга и востока, как лезвие кривого ножа, ее огибает Японские острова.

Расположенная между некогда могучим Китаем и воинственной и агрессивной Японией, Корея постоянно подвергалась нападениям то с одной, то с другой стороны.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

История Кореи восходит к глубокой древности.

В старинных китайских летописях существование Кореи отмечено еще за две тысячи триста пятьдесят лет до нашей эры. В те времена, как сказано в летописи, Корея уже «платила дань Китаю».

В одной корейской легенде говорится, что за две тысячи триста тридцать три года до нашей эры корейцы избрали главой своего племени Тан Гуна; его называют «отцом» корейского народа. Легендарная могила Тан Гуна сохранилась по сей день.

В первых веках нашей эры на Корейском полуострове существовали три самостоятельных государства: Силла, Когуре и Пякче. Эти государства враждовали между собой. В VII веке Силла подчинила себе двух своих соперников, и страна впервые была объединена. Но это объединение не привело Корею к освобождению от китайской зависимости.

К концу XVI века относится вторжение в Корею японских завоевателей. Уже в те времена японские правители вынашивали идею мирового господства. Самураи воинственно потрясали мечами, угрожая захватить соседние государства. Их взоры были прежде всего обращены на Корею.

Корея была объявлена ими «мостом на материк». С помощью этого «моста» японские завоеватели намеревались перебраться на территорию Азии, чтобы затем покорить весь мир.

Но Корея находилась в те времена в зависимости от Китая, и чтобы завладеть ею, надо было воевать с Китаем.

В 1592 году японский правитель Хидейоси — этот средневековый Гитлер — начинает осуществлять захватнические планы. Задумав создать азиатскую империю, которая включала бы, кроме Японии, Корею, Китай, Индию, Формозу и Филиппинские острова, он обратился к королю Кореи со следующим откровенным посланием:

«...Начиная мои завоевания, я решил, что наше войско проследует в Корею и Китай и заставит населяющие их народы принять наши нравы и обычаи и подчиниться нашему божественному повелителю. Тебе, королю Кореи, сим предписывается добровольно присоединиться к нам, во главе твоих воинов, когда мы двинемся через Корею на Китай...»

Корейцы не вняли посланию Хидейоси и не согласились впустить японские войска на свою землю.

В том же году Хидейоси провел огромную по тем временам мобилизацию и вторгся в Корею. Японцы выса-

дили свои войска в порту Фузан и начали наступление на Сеул — столицу Кореи.

Корейцы не были подготовлены к войне. У них не оказалось армии, способной противостоять хорошо вооруженному противнику.

Однако Хидейоси допустил крупный просчет: он подготовил армию, но не подготовил сильного флота. Корейцы, напротив, не имея армии, владели крупным по тем временам флотом. У них были и грозные «черепахи» — прообразы современных броненосцев.

7 мая 1592 года, в тот момент, когда японские войска ушли в глубь страны, корейский флот внезапно напал на

японскую эскадру. К сентябрю почти весь японский флот был разгромлен. Отрезанная от своих баз снабжения, японская армия оказалась в катастрофическом положении, вынуждена была приостановить военные действия и отступить к Фузану.

В последующие годы японцы несколько раз пытались наступать, чтобы окончательно завоевать Корею, но все их попытки были безуспешны. В августе 1598 года, после шести лет кровопролитной войны, остатки войск Хидейоси вынуждены были покинуть Корею. В честь своих сомнительных «побед» они увезли на свои острова двести семнадцать тысяч ушей и но-

*О многовековой культуре корейского народа рассказывают древние строения и исторические памятники, которые можно встретить во многих городах и селах Кореи.
Старинная городская стена и ворота города Гисю.*

сов, отрезанных у несчастных корейцев. И по сей день поблизости от японского города Киото высится огромный «холм ушей».

Японцы опустошили и разграбили Корею. Главные города были разрушены, деревни сожжены, сотни тысяч людей разорены.

Именно в ту пору корейские правители решили прибегнуть к политике полной изоляции Кореи от внешнего мира: этим они хотели избавиться от вторжения захватчиков. По введенному в Корею закону, всякий иностранец, переступивший границу или высадившийся на берег, а равно всякий кореец, попытавшийся покинуть свою страну, подлежали смертной казни. Для прекращения всяких связей с внешним миром жители побережья были переселены в глубь полуострова.

Изоляция Кореи продолжалась с конца XVI до второй половины XIX века, когда Япония и Соединенные Штаты Америки силой вынудили Корею вступить с ними в неравноправные торговые отношения.

В 1866 году американское судно «Генерал Шерман» вошло в устье реки Тадон-ган. Корейцы напали на непрощенных гостей, схватили и казнили их, а судно сожгли. Через четыре года правительство США вновь направило к берегам Кореи целую эскадру из пяти кораблей. Но и эта экспедиция не привела к установлению торговых связей с Кореей.

В 1876 году Япония, пригрозив войной в случае отказа, навязала Корее первый неравноправный торговый договор. Японии было разрешено вести торговлю в корейских портах Фузан, Генсан (Вонсан) и Чемульпо (Инчон), содержать в Фузане свой гарнизон, приобретать земли и здания.

В 1882 году американский коммодор¹ Шуффельд на военном корабле вошел в бухту Чемульпо. Губернатор Сеула, отвечая на приветствия ловкого американца, прямо заявил ему: «Ваша страна находится на западе, наша — на востоке. Тысячи миль разделяют нас. По какой же причине вы переплыли через океан? Если вы хотите овладеть частью наших земель, мы не позволим этого. Не думайте также входить в торговые отношения с нами — мы в этом не нуждаемся».

Однако американцы принудили корейского короля заключить так называемый «договор о дружбе и торговле» с Америкой. Смысл этой «дружбы» заключался в стремлении американцев подчинить Корею своему влиянию.

К концу XIX столетия Корея превратилась в объект борьбы империалистических государств. В то время у нее не оказалось ни сил, ни прочной государственной системы для того, чтобы защитить себя от посягательств иностранных захватчиков и отстоять свою независимость.

¹ Коммодор — командир соединения малых кораблей.

УТРАТА КОРЕЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Главной причиной японо-китайской войны 1894—1895 годов была борьба за Корею. Менее чем через год после

начала войны Япония вынудила Китай заключить невыгодный для него мир.

По условиям Симоносекского мирно-

го договора (1895) Япония получила Формозу, Пескадорские острова и Южную Маньчжурию с Ляодунским полуостровом. Китай вынужден был, по требованию Японии, признать «независимость» Кореи, то-есть фактически согласился не препятствовать захвату этой страны японцами.

Но завоевания Японии были непрочны. Вскоре после подписания мирного договора она вынуждена была, по требованию России, Франции и Германии, отказаться от владений в Южной Маньчжурии. Японские правители понимали, что им не удастся удержать ни одной из захваченных территорий, не удастся осуществить свои хищнические планы на азиатском материке до тех пор, пока они полностью и бесконтрольно не завладеют Кореей.

Япония рассматривала Корею как опорную военную базу, плацдарм, который позволит ей наступать против России и Китая. Корея нужна была ей как богатый источник природного сырья и продовольствия, как поставщик даровой рабочей силы, наконец как превосходный рынок для сбыта своих низкосортных товаров.

Корея была объявлена «жизненным пространством» японской империи.

* * *

Триста лет прошло с тех пор, как потрепанные войны Хидейоси бесславно покинули Корейский полуостров, но идеи «средневекового Гитлера» продолжали жить в головах японских самураев.

Не отказываясь от этих идей, Япония на сей раз изменила приемы порабощения Кореи. Вместо воинских частей она направила в Корею большое количество дипломатов, чиновников, офицеров, предпринимателей и шпио-

нов. Они должны были завоевать Корею «мирным» путем.

Японские агенты затеяли интриги при дворе корейского короля. Они разжигали рознь между королевой и королем и этим путем влияли на политику корейского государства. Действуя террором, подкупами, провокациями и шантажем, они проникали в государственные органы, постепенно забирая в свои руки управление страной.

Японские промышленники вкладывали свои капиталы в корейские предприятия, скупали земли, организовывали банки, вывозили ценное сырье.

Пользуясь правом строить железные дороги, японцы завладевали землей, простиравшейся вдоль железнодорожных путей. В важнейших пунктах страны возникали сотни японских поселений. Так японские завоеватели вгрызались в живое тело корейского государства.

В борьбе за Корею Япония нашла поддержку у Соединенных Штатов Америки и Англии. В июле 1905 года США заключили с Японией секретное соглашение, которое, по существу, предоставляло Японии право путем военной оккупации установить свой контроль над Кореей. Еще ранее, по договору об англо-японском военном союзе 1902 года, «права» Японии в Корее были признаны Англией.

Так американские и английские империалисты предали интересы Кореи.

Заручившись поддержкой Англии и Америки, Япония решила военным путем устранить Россию, единственную силу, которая мешала ей окончательно поработить Корею.

В феврале 1904 года на рейде корейского порта Чемульпо произошли трагические события.

Крупная японская эскадра неожиданно напала на стоявшие здесь рус-

ские военные корабли — крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец». Это произошло на глазах американского и английского флотов.

Так вероломно, без предупреждения, японцы начали войну против России.

Царское правительство оказалось совершенно неподготовленным к войне. Несмотря на героизм и самоотверженность русских солдат и моряков, 20 декабря 1904 года генералы-предатели сдали врагу крепость Порт-Артур.

После падения Порт-Артура Владимир Ильич Ленин писал:

«...Главная цель войны для японцев достигнута... Японцы окончательно овладевают всем Ляодуном, приобретают опорный пункт неизмеримой важности для воздействия на Корею, Китай и Маньчжурию...»¹

В 1905 году в городе Портсмуте (США) при содействии Англии и США был подписан договор, по которому Япония получила Южный Сахалин, Порт-Артур, порт Дальний, особые права в Южной Маньчжурии и Корее. Вслед за этим в ноябре 1905 года Япония силой оружия установила над Кореей свой протекторат, подчинив себе отныне всю ее жизнь — финансы, хо-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. VII, стр. 45—46.

зяйство, внешнюю политику. Еще через несколько лет, в 1910 году, Корея полностью утратила свою государственность: она была официально включена в состав японской империи в качестве генерал-губернаторства. Последний документ корейского правительства гласил: «Император Кореи уступает всецело и навсегда императору Японии все свои права».

С этого момента Корея перестала существовать как самостоятельная страна. Она стала колонией японского империализма. Вся власть в стране перешла в руки чужеземных захватчиков.

* * *

Мы медленно свертываем карту, закрываем книги и мысленно переносимся в далекую «Страну утренней свежести».

Что произошло с ней за сорок лет японского господства? Как живет ее народ? Не потерял ли он мужества и настойчивости в борьбе с империалистическими хищниками? Сумеет ли он оценить все значение того освобождения, которое принесла ему верная делу свободы, мира и демократии, благородная Советская Армия, армия великой социалистической державы?

НАД КОРЕЕЙ

Наш самолет летит вдоль берегов Кореи. Вблизи них разбросаны желтоватые острова. Еще несколько минут полета, и можно различить небольшую бухту, заполненную мелкими рыбацкими лодками. У самого края бухты раскинулся городок.

— Расин! Расин! — раздаются возгласы пассажиров-дальневосточников,

которые уже не в первый раз летят по этому маршруту.

Расин — самый северный порт Кореи. Он расположен ближе других к нашей границе. Во время боев у озера Хасан через порт Расин японцы подвозили свои войска.

В 1945 году, когда началась война с Японией, наши тихоокеанские моряки

Корея — страна гор. Значительную часть территории страны занимают горные хребты. Недра их богаты полезными ископаемыми. Здесь встречаются каменный уголь, железные руды, золото, вольфрам, медь, серебро, цинк.

смело ворвались в порты Ранан, Расин и Сейсин и, заняв их с боем, высадили крупные десанты в тылу японских войск, сосредоточенных у нашей границы.

Названия этих трех корейских портов записаны в победных сводках Совинформбюро.

Самолет летит строго на юг.

Впереди на берегу глубокой бухты показался Сейсин — большой портовый город.

На его окраинах дымят заводские трубы крупного металлургического завода.

Теперь мы опустились значительно ниже.

Все чаще и чаще мелькают фанзы,

рыбачьи деревушки, маленькие городки, и вдруг они как бы сливаются вместе. Перед нами раскрывается внушительная панорама большого города. Тысячи выпуклых соломенных крыш тесно прижались друг к другу, напоминая огромную отару овец.

Это Канко (Хамхын), крупный промышленный центр Северной Кореи.

В полумрак самолетной кабины врываются яркие, трепещущие лучи солнца. Самолет изменил курс.

Мы летим теперь на запад, пересекая весь Корейский полуостров, от моря до моря.

Красочные виды побережья сменились суровым горным пейзажем. Перед нами самый опасный участок воздуш-

Широкая, полноводная река Тадон-ган.

ной трассы; он лежит над непроходимыми горными дебрями, над перевалом высотой около двух тысяч метров.

Экипаж самолета напряженно склоняется над приборами и картами. Мы снова поднимаемся на большую высоту. Внизу проплывают гряды гор, разделенные тонкими линиями бурных рек, которые временами поблескивают в солнечных лучах. В узких долинах можно увидеть одинокую фанзу, примостившуюся на дне глубокого ущелья, крохотные площадки рисовых полей и пашни на крутых горных склонах.

В самолете стало холодно. Перевал дает себя чувствовать. На десятки километров во все стороны раскинулись суровые горы. Здесь уже не видно

признаков жизни. В эту минуту нам припоминаются слова русского путешественника Лубенцова, который писал, что корейские горы напоминают бурное море, внезапно застывшее. Во времена Лубенцова не было самолетов, с помощью которых он мог бы подняться ввысь, чтобы так наглядно охарактеризовать этот горный пейзаж.

Перевал остается позади.

Появились разбросанные по холмам корейские деревни, тщательно возделанные поля, пересеченные четкими линиями оросительных каналов. Среди гор серебристой лентой извивается широкая, полноводная река Тадон-ган.

Мы спускаемся ниже и летим над рекой.

Впервые за все время нашего полета мы увидели поля, покрытые яркой зеленью. Это поразительное зрелище — цветущие поля в ноябре!

Самолет делает приветственный круг над городом Пхеньяном.

Впереди показалось ровное поле аэродрома. Мы почувствовали резкое торможение от выпущенных летчиком закрылок и шасси.

Путь закончен. Открывается дверь самолета, и мы вступаем на твердую, пересохшую корейскую землю.

Первый кореец, которого мы увидели, был шустрый мальчишка лет девяти, с гладко подстриженной головой и лукавыми глазенками.

В руках он держал несколько румяных яблок. «Капитан, яблока!» услышали мы.

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Аэродром залит ярким светом южного солнца. Далекие горы на горизонте окутаны фиолетовой дымкой. Внезапно наступившая тишина удивительно приятна после многочасового грохота винтов. Пока выгружаются вещи, мы наслаждаемся теплом ноябрьского дня.

Стремительный зеленый «газик» переносит нас с аэродрома в кипучую, шумливую жизнь корейского города. Горластые мальчишки — продавцы сигарет — гортанными голосами выкрикивают какое-то незнакомое слово, похожее на наше: «Паа-пин-роо-сыы!» С грохотом и треском проносятся переполненные старые трамваи. Из распахнутых дверей маленьких ресторанов вырываются пронзительные звуки музыки.

Толпы людей снуют по улице. Вот важно шествует старик в белом одеянии из домотканного шелка. На голове его черная ажурная волосяная шапочка; такие шапочки носят люди почтенного возраста. Пожилая женщина, искусно балансируя, несет на голове огромный поднос, уставленный стеклянной посудой. Две молодые женщины с ярким румянцем на щеках обернули вокруг себя большие стеганные одеяла розового цвета. Из-под одеял

выглядывают озорные лица малышей. Корейки всегда носят детей на спине, накрепко привязывая их одеялами.

Корейские женщины. У матери из-за спины выглядывает малыш.

Идут ремесленники и рабочие в костюмах полувоенного типа, с неизменными галифе на выпуск.

Женщины не покрывают головы, мужчины же обязательно носят головной убор. Это либо каскетка зеленого цвета, либо кусок ткани, который обматывается вокруг головы. На ногах у всех резиновые тапочки, носки и задники которых остроконечны и изогнуты кверху, напоминая своей формой нос и корму древней галеры.

На улицах редко встретишь чужеземца. Население Кореи по национальному составу весьма однородно: 98 процентов жителей (из 27 миллионов) составляют корейцы.

* * *

Поднимая густые облака пыли, наш «газик» мчится по извилистым улицам

древнего города к мосту через реку Тадон-ган.

У берегов реки стоят джонки с припущенными квадратными парусами, сплетенными из рисовой соломы.

Дождаясь своей очереди, мы долго стоим перед узким железным мостом, среди автомашин, ручных тележек, огромных двухколесных арб, в которые запряжены невозмутимые быки с большими деревянными кольцами в ноздрах.

Наконец, протиснувшись между неуклюжим грузовиком японского происхождения, испускающим зловонный газ, и маленькой ручной тележкой, мы кое-как перебираемся на другой берег.

Через несколько минут наша машина останавливается в тихом узком переулке у подъезда серого двухэтажного здания гостиницы.

ГЛАВА 2

ЗВЕЗДА НАД ПХЕНЬЯНОМ

На склонах горы Моранбон, возвышающейся над Пхеньяном, где еще сохранились маленькие буддийские пагоды, приютившиеся в густой зелени акаций, высится огромный монумент из светлосерого гранита.

Монумент увенчан бронзовой пятиконечной звездой.

Отовсюду, с любого места города и берегов полноводной реки Тадон-ган, откуда ни взглянешь на зеленую гору Моранбон, считающуюся священной горой, виден этот величественный монумент.

Он воздвигнут корейским народом в честь Советской Армии, освободившей Корею от сорокалетнего японского ига и принесшей на своих знаменах свобо-

ду и независимость этой угнетенной стране.

На бронзовых плитах пьедестала, над барельефом корейской женщины, у ног которой брошены разорванные цепи, высечены две цифры: «15» и «8».

15 августа 1945 года!

День радости, день ликования, день счастья — так именует корейский народ день своего освобождения.

И недаром в дни национальных праздников или в дни отдыха десятки тысяч людей приходят на склоны горы Моранбон, чтобы полюбоваться прекрасным монументом и добрым словом упомянуть доблестных советских воинов, которые пролили кровь за освобождение Кореи.

31460

Монумент на горе Моранбон, воздвигнутый корейским народом в честь Советской Армии, освободившей его от сорокалетнего японского ига.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ЦЕНТР
ДРЕВНОСТИ

СОРОК ЛЕТ В РАБСТВЕ

Сорок лет японского ига корейцы никогда не забудут.

Первый японский генерал-губернатор в Корее Терауци сказал кратко, но выразительно: «Либо корейцы должны подчиниться нашим порядкам, либо умереть».

Японские капиталисты — банкиры, купцы — захватили в свои руки все богатства страны.

Шахты, рудники, золотые прииски, фабрики, заводы, электростанции, банки, средства связи — все перешло к ним.

Новые «хозяева» обрекли корейских рабочих на голод, нищету, вымирание. Каторжный труд в газовых шахтах, в свинцовых рудниках, среди жара и смрада фабричных цехов, лишенных вентиляции, косил людей.

За шестнадцать часов работы в сутки кореец получал кусок гнилой рыбы. Он жил и спал там же, где и работал, — у печей, подле станков, в сырых, мрачных подземельях строившихся гидростанций. Месяцами он не видел голубого неба, не дышал чистым, прозрачным воздухом своей страны.

Известен факт, когда при строительстве одной плотины семьдесят рабочих-корейцев случайно попали в бетон. Они так и остались в нем, заживо замурованные.

Японцы запретили спасать этих людей, чтобы «не потревожить бетонной массы».

За высокими каменными оградами фабрик протекала жизнь корейских девушек. Они работали по четырнадцать часов в сутки и, как узницы, были лишены права после работы выйти за ворота предприятия. Вместо заработка им обещали выдать приданое. Но годы шли, здоровье уходило, приданое

оставалось в мечтах. Проработав двенадцать-пятнадцать лет, девушки превращались в изможденных, жалких старух с лицами, покрытыми глубокими морщинами. Теперь их никто не задерживал, они могли свободно покинуть ненавистные фабрики.

Наравне со взрослыми на японских текстильных, табачных и шелкомотальных фабриках работали сотни тысяч корейских детей. У маленьких рабов жизнь была без радостей, без игр; их детство протекало в непосильном труде.

С помощью различных ухищрений политического и экономического характера японские помещики и всевозможные сельскохозяйственные компании завладевали основным достоянием корейского народа — землей.

Самым крупным помещиком в Корее был японский император. Он владел здесь 100 тысячами гектаров земли, в то время как в среднем на долю крестьянина приходилось 0,15 гектара. Нищий корейский крестьянин испытывал двойное угнетение: его грабили японские эксплуататоры и душили корейские помещики, взимая непосильные поборы.

Если крестьянин сопротивлялся «мероприятиям» японцев и не хотел отдавать свою землю, японцы, которые держали в своих руках оросительные системы, прекращали отпуск ему воды, и крестьянское поле засыхало, урожай погибал.

Так были согнаны со своих земель свыше двух миллионов крестьян. Тот же, кто смог сохранить свои наделы, обязан был большую часть своего урожая сдавать помещику.

С течением времени многие крестьяне в поисках лучшей жизни покидали

свои земли и уходили в дикие, малоодступные горы Северной Кореи. Здесь они выжигали в лесах небольшие полянки, сеяли хлеб и, собрав скудный урожай, вынуждены были покидать обжитые земли, чтобы спастись от преследований японских жандармов. Сотни тысяч таких «выжигателей лесов» — каденминов, как их называли — постоянно кочевали в горах Северной Кореи.

Японцы всячески старались вытравить из сознания корейцев их национальное достоинство. Им внушалось, что корейский народ — народ «неполноценный, неспособный к самостоятельной государственности», что он «не имеет своей истории и не имеет своего будущего».

Корейцам запрещалось разговаривать на родном языке, они не могли пользоваться своей письменностью, их лишали даже корейских фамилий.

Корейские литература, искусство, история были объявлены «несуществующими».

Корейцы не получали образования. Они не могли занимать административные должности.

Об этих черных днях угнетения и бесправия много печальных песен сложено в корейском народе. В одной песне правдиво говорится:

Горы Чанпьяксан раскинулись цепью
одна за другой,
И по ним кровавый след...
Рска Амнок-кан извивается лентой вокруг,
И по ней кровавый след...

Велосипед в Корее — распространенное средство передвижения. Молодой кореец куда-то спешит, на багажнике важно восседает его отец.

Мачты высоковольтных передач, снабжавших электроэнергией японские военные предприятия, упираются в нищие крестьянские дворики.

Трудовой народ Кореи не мог мириться с «новыми порядками».

С первых дней японской оккупации зарождались подпольные группы. Передовые трудящиеся вступали на путь революционной борьбы. Многие в поисках лучшей жизни покидали родину, уходили в Маньчжурию и Китай, рассеивались по всему миру. Уходили не единицы, не десятки, а сотни тысяч

людей. Только в Маньчжурию за короткий период переселилось свыше миллиона человек.

Лишь корейским помещикам и буржуазии, владельцам заводов и фабрик, банкирам японское нашествие пришлось по вкусу.

Для них сохранение своего капитала было дороже свободы и независимости родной страны.

ВЕЛИКОЕ ЗАРЕВО

В 1917 году из далекой России в Корею дошла весть о Великой Октябрьской социалистической революции. Как яркий светоч, озарила она мрачную жизнь порабощенного народа. Имена великих вождей революции Ленина и Сталина зажгли в сердцах корейского народа надежду на освобождение, волю к борьбе.

Корейский народ живо откликнулся на революционные события в России. С новой силой разгорелась борьба против японских поработителей. Корейские патриоты стали активно сопротивляться мероприятиям японцев, они вступали и на путь вооруженной борьбы. Ни один из японских чиновников, где бы он ни находился, не чувствовал себя в безопасности. С каждым днем в «Стране утреннего спокойствия» ширилось патриотическое антияпонское движение.

Грозным предостережением для оккупантов прозвучали мартовские события 1919 года. В те дни по всей Корее народ единодушно вышел на улицы, неся национальные флаги. Корейские патриоты требовали для своей страны свободы и независимости.

На мирную демонстрацию безоружного народа японские власти ответили

жестоким террором. Было арестовано свыше двухсот тысяч корейских патриотов. Семь тысяч человек были расстреляны на улицах, десятки тысяч — избиты или ранены; сотни деревень разрушены, разграблены и сожжены.

Японские жандармы заявили тогда: «Чтобы добиться порядка в этой стране, нужна железная рука, а не лайковые перчатки». И железная рука крепко схватила за горло корейский народ. Народное движение в 1919 году было свирепо подавлено.

* * *

В 1923 году в Корее возникли подпольные кружки и боевые группы коммунистической партии.

Коммунисты возглавили политическую борьбу против поработителей. Находясь в глубоком подполье, коммунистическая партия сумела сплотить вокруг себя передовые силы народа.

По всей Корее вновь вспыхнуло народно-освободительное движение. Опираясь на рабочих и крестьян, коммунистическая партия стала во главе национально-освободительного движения. Она руководила массовыми

демонстрациями в июне 1926 года, трехмесячной забастовкой рабочих Вонсана в 1929 году. В 1930—1932 годах коммунисты возглавили крестьян-

ские волнения, которые широкой волной прокатились по всей стране. Так в Корее ни на один день не прекращалась борьба с японскими оккупантами.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Долгожданную свободу корейскому народу принесла могущественная армия Советской страны.

В августе 1945 года, после разгрома фашистской Германии, Советское правительство, верное своим союзническим обязательствам и преисполненное стремлением как можно скорее прекратить кровопролитие на Дальнем Востоке, объявило войну империалистической Японии.

На огромном фронте — от монгольских степей до Тихого океана — Советская Армия перешла в наступление.

Закаленные в боях пехотинцы, танкисты, артиллеристы, летчики мощной, всеокрушающей лавиной обрушились на японские войска.

Военные корабли Тихоокеанского флота взяли курс к берегам Кореи. Моряки-дальневосточники разгромили опорные базы в тылу японских войск и с боем взяли три корейских порта — Ранан, Расин, Сейсин.

Войска 1-го Дальневосточного фронта клиньями ринулись вперед, окружая и уничтожая войска японцев.

Советские воины вступили на землю Кореи.

В своей завоевательной политике Япония считала Корею важнейшим военно-стратегическим плацдармом для войны против Советского Союза.

Вся Корея была покрыта сетью железных и шоссейных дорог. Эти дороги строились без учета интересов страны; единственной их целью была перевоз-

ка войск к советской и маньчжурской границам.

Японцы построили в Корее аэродромы, арсеналы, казармы, сосредоточили крупные военные силы. Именно через Корею японцы в 1931 году ворвались в Маньчжурию и на широком фронте вышли к границам Советской страны.

И вот вся эта важная военно-стратегическая база японцев была разгромлена победоносной Советской Армией. В панике японские части складывали оружие и сдавались в плен.

С восторгом и необычайным воодушевлением приветствовал корейский народ Советскую Армию — армию-освободительницу.

В городах и селах благодарное население живыми цветами усыпало дороги, по которым проходили советские воины.

* * *

Есть в городе Пхеньяне огромный старинный колокол. Старые люди рассказывают, что когда отливали его, каждый кореец приносил металл.

Колокол был отлит и водружен на берегу реки Тадон-ган.

По преданию, передававшемуся от поколения к поколению, звон колокола мог раздаваться лишь в дни великих событий, возвещая народу радость.

Прошло много-много лет. Свидетелем каких только событий не был этот старинный колокол! Поддерживающие

Войска 1-го Дальневосточного фронта ведут артиллерийский огонь по японским укреплениям.

его массивные столбы покрылись плесенью, на теле его появились трещины. Но колокол молчал...

В августовские дни 1945 года, в дни, когда, опаленные пороховым дымом, доблестные воины Советской Армии вступили на землю поработен-

ной страны, раздался торжественный колокольный звон на берегу реки Тадон-ган.

Люди выходили на улицы, прислушивались к величавому благовесту, и радостные улыбки озаряли их исстрадавшиеся лица.

ГЛАВА 3

ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

2 сентября 1945 года Япония подписала акт о безоговорочной капитуляции.

Лишь спустя шесть дней, когда в результате успешных боевых действий

Советской Армии сопротивление японцев было уже полностью прекращено, американские войска начали высаживаться в Южной Корее.

В первые же дни освобождения во многих городах и селах Северной Кореи были открыты советские больницы для корейского населения.

Для принятия капитуляции разгромленных японских войск Корея была разделена на две зоны. Вдоль 38-й параллели, которая пересекает Корейский полуостров, прошла временная граница.

К северу от 38-й параллели была установлена зона ответственности Советской Армии — Северная Корея. Эта зона занимает около 57 процентов всей площади Кореи. В ней находятся большая часть корейской промышленности и главные месторождения полезных ископаемых. К югу от 38-й параллели зона ответственности американской армии — Южная Корея. Американская зона — в основном сельскохозяйственный район.

Сразу же после освобождения Кореи в стране произошли важные собы-

тия. Корейский народ бурно пробуждался к политической жизни. В городах и деревнях население стало создавать народные комитеты — органы своей народной власти.

6 сентября 1945 года в Сеуле собрался Всекорейский съезд представителей народных комитетов. Делегаты прибыли со всех концов страны. Съезд провозгласил Корею Народной республикой.

Центральный народный комитет, избранный съездом, разработал обширную программу демократических преобразований в стране. Программа предусматривала немедленное прекращение действия японских законов; конфискацию земель японцев и предателей народа и передачу их крестья-

нам; национализацию промышленности, транспорта, банков; обеспечение свободы слова, печати, собраний; предоставление избирательного права всем мужчинам и женщинам, достигшим восемнадцати лет; улучшение жизненных условий рабочих и крестьян.

Столь решительная программа действий вызвала смятение и страх среди корейских промышленников, крупных торговцев, помещиков, среди тех, кто был тесно связан с японцами, кто предавал интересы своей страны.

Душителями всего лучшего и передового, что есть в Корее, выступили американцы.

Потомки коммодора Шуффельда прибыли в Южную Корею с явным намерением окопаться здесь надолго. Вместе с бронированными автомобилями, самолетами, пушками и свиной тушонкой они привезли в Корею груз, в котором враги народа нуждались, пожалуй, более всего.

С обозом американской армии в Корею прибыли матерые предатели и провокаторы во главе с Ли Сын Маном. Этого прожженного дельца американцы прочили в президенты Кореи.

Вряд ли американцы смогли бы подыскать другого корейца, столь преданного им. Ли Сын Ман почти тридцать лет прожил в США и потерял всякую связь со своим народом.

В Америке он жил на подачки капиталистов и всем своим поведением старался засвидетельствовать свою собачью преданность американским хозяевам.

Одновременно с Ли Сын Маном в Корею из США и Китая были привезены и другие реакционно настроенные корейские эмигранты.

Им были приготовлены теплые местечки в американской военной администрации.

Первые же шаги американских оккупационных властей вызвали крайнее разочарование в кругах корейских демократов. Американское командование не признало народных комитетов. Оно помогло реакционерам сплотить свои силы.

При поддержке американских военных властей реакционеры беспощадно преследовали демократические организации, возникшие в Южной Корее.

* * *

В декабре 1945 года состоялось Московское совещание министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. По предложению Советского правительства совещание приняло решение о создании корейского демократического правительства. Для осуществления образования такого правительства была создана Совместная советско-американская комиссия.

Но у американских империалистов были иные планы. Американцы не собирались уходить из Кореи. Создание подлинно демократического правительства в Корее не входило в их интересы. Они давно решили превратить оккупированную ими часть Кореи в свою колонию.

Естественно, что эти планы расчленения и закабаления Кореи вызвали возмущение широких масс корейского народа. Все искренние патриоты выступили против хозяйничанья американцев. И только корейские предатели-реакционеры, которые в недавнем прошлом верно служили японским захватчикам, отдали себя в услужение новым хозяевам, прибывшим из-за океана. Они понимали, что без поддержки американских штыков им не сохранить своего богатства и власти над народом.

Опираясь на этих предателей, американские власти сорвали выполнение московского решения. Препятствуя созданию единого корейского демократического правительства, американцы устроили в Южной Корее отдельное реакционное «правительство» из своих верных слуг.

Разгром демократических организаций, преследование передовых общественных деятелей, массовые аресты и убийства рабочих и крестьян — вот какую «демократию» принесли американцы.

Южная Корея превратилась в полицейское государство.

ВЛАСТЬ НАРОДА

В Северной Корее с первых же дней освобождения установились подлинно демократические порядки. Выполняя московское решение, советское командование предоставило корейскому народу возможность самому определить

форму государственной власти. И народ сказал свое слово: он создал народные комитеты и облек их своим полным доверием.

Народный комитет Северной Кореи стал центральным органом исполни-

Заседание Народного комитета Северной Кореи.

тельной власти. В него были избраны представители всех демократических партий и общественных организаций.

Народ избирал в комитеты тех, кто был известен своей борьбой с японскими захватчиками, кто честно служил делу свободы и независимости своей страны.

Среди членов Народного комитета Северной Кореи мы видим Ким Ду Бона. Ким Ду Бон — старый боец за свободу Кореи. Он представитель самой передовой и массовой партии освобожденной Кореи — Трудовой партии, которая унаследовала традиции и программу коммунистов. Эта партия была создана в результате объединения коммунистической партии и Лиги независимости (новой народной партии).

В состав Народного комитета был избран глава Демократической партии Цой Ен Ген. Это закаленный в боях с японцами воин. Долгие годы он командовал боевым отрядом корейцев, входившим в состав народно-освободительной армии Китая.

Глава старой корейской партии «Молодых друзей Чендогио» Ким Дар Хен также входит в число членов Народного комитета. Партия «Молодых друзей Чендогио» объединяет религиозные слои населения.

Ким Дар Хену семьдесят лет. Он множество раз арестовывался японской полицией.

Председатель Народного комитета Северной Кореи, ныне глава правительства Корейской народно-демократической республики Ким Ир Сен.

Среди членов Народного комитета — престарелый Кан Дин Ген, председатель крестьянского союза Северной Кореи; представитель промышленников Ли Муи Хван; пресвитерианский священник Кан Нан Ук; рабочие, крестьяне, учителя — словом, представители всех слоев населения.

ГЕРОЙ НАРОДА КИМ ИР СЕН

Председателем Народного комитета Северной Кореи был избран герой народно-освободительного движения Ким Ир Сен. В годы японской оккупации имя коммуниста Ким Ир Сена гремело по всей Корее.

Еще юношей он стал революционером.

Когда японцы ворвались в маленький маньчжурский городок, где учился Ким Ир Сен, он стал во главе боевой группы молодежи. С каждым днем ширилась борьба корейских патриотов. Боевые группы превращались в отряды, отряды — в полки, полки — в армии.

Через короткое время двадцатилетний Ким Ир Сен командовал тридцатитысячной партизанской армией.

Рассказывают, как темными ночами он со своими смелыми воинами внезапно появлялся из горных ущелий Пяктусана и настигал японские обозы с продовольствием, отобранным у корейских крестьян. Короткая схватка решала исход дела, и вот уже воины Ким Ир

Сена возвращают обозы в деревни, раздают крестьянам награбленный японцами рис и мгновенно скрываются в ночной мгле.

Ким Ир Сен был вездесущ и неуловим.

За его голову японцы давали пятьсот тысяч иен.

Семь японских бригад гонялись за отрядами Ким Ир Сена, но зоркий глаз народа бережно хранил его.

Ким Ир Сену тридцать пять лет. Крепкий, коренастый, с черными, как смоль, волосами, с живыми, блестящими глазами и высоким упрямым лбом, он всем своим обликом выражает зрелость, достоинство и уверенность народа в своих силах. Недаром поется в песне, которую в Корее знают все, от мала до велика:

Снега и ветры маньчжурских степей...

Расскажите!

Длинные ночи густых лесов... Расскажите!

Кто был славным партизаном?

Кто был славным патриотом?

О! И это имя дорогое — наш полководец!

О! И это имя замечательное — вождь Ким Ир Сен!

В ИНТЕРЕСАХ ТРУДЯЩИХСЯ

С помощью советской администрации Народный комитет Северной Кореи осуществил многие демократические преобразования.

Одним из первых актов был закон о земле. Земли японцев, корейских помещиков, изменников и предателей были конфискованы и безвозмездно переданы трудовому крестьянству.

Построенные руками корейцев мощные заводы и фабрики, где они были только дешевой рабочей силой, национализированы.

Закон о труде положил конец зверской эксплуатации корейских рабочих. Мечта о восьмичасовом рабочем дне стала действительностью. Корейская женщина получила права наравне с мужчиной.

Все эти демократические преобразования были увенчаны впервые в истории Кореи проведенными всенародными свободными выборами в провинциальные, уездные и городские народные комитеты. Выборы состоялись в конце 1946 года.

Корейский крестьянин обрабатывает свою землю.

ГЛАВА 4

ДРЕВНЯЯ СТОЛИЦА

Город Пхеньян — древняя столица страны. Пхеньян насчитывает четыре тысячи лет своего существования. О древних временах свидетельствуют старинные надписи, высеченные на скалистых берегах реки Тадон-ган, и величественная пагода, возвышающаяся в центре города.

На огромной территории города, как в лабиринте, разбросано множество маленьких домиков, построенных из глины и камыша, с изогнутыми в восточном стиле крышами из желтой и черной черепицы или покрытыми рисовой со-

ломой. Проход между домами так узок, что два человека едва могут разминуться.

Главная улица Минбонри, широкая и просторная, пересекает город с севера на юг. Вдоль нее расположены громоздкие и неуклюжие каменные дома, выстроенные японскими резидентами, и различные торговые заведения.

Жилище корейца устроено своеобразно. Большие раздвижные двери и окна, занимающие значительную часть стен, сделаны из тонких деревянных брусков, переплетенных решеткой, и

Город Пхеньян — древняя столица страны и главный город Северной Кореи.

оклеены прозрачной папиросной бумагой.

Самая важная часть жилища — кухня.

В ней ниже уровня пола устроен очаг с чугунным котлом шарообразной формы. Котел предназначен для варки риса.

Отопление в доме устроено оригинально. Горячие газы от очага направляются сперва по горизонтальным дымоходам, устроенным под полом, и затем лишь попадают наружу. Благодаря этому пол в корейском доме всегда теплый.

Такой пол называется «кан». В холодное время года (а в Северной Корее бывают суровые морозы) горячий пол делает пребывание в легком

жилище не только возможным, но даже приятным.

Пол в жилище обычно оклеивается желтой вощенной бумагой. В дом не принято входить в обуви — ее всегда оставляют за порогом.

Кухня помещается посередине дома и имеет, кроме наружной двери, еще два выхода. Один из них ведет в женскую половину дома, куда, по обычаю, доступ мужчинам запрещен; в древние времена этот обычай охранялся законом, и даже полицейские не могли проникнуть в женскую половину дома.

По рассказам корейцев, японцы не считались с местными обычаями и в любое время дня и ночи вторгались как в мужскую, так и в женскую половину дома.

Много раз нам приходилось бывать в корейских домах, и всюду поражало отсутствие мебели: два-три окованных железом сундучка обычно отодвинуты куда-нибудь в угол. Спят корейцы на полу, вместо подушек подкладывают под голову небольшие мешочки с рисовыми отрубями или соевыми бобами.

В период японского владычества

жилищное строительство для корейцев не велось. Переуплотненность населения, особенно в городах, не поддается описанию. Лишь после изгнания из Кореи японских захватчиков жизнь начала улучшаться. Освободившаяся жилая площадь, по решению советского командования, передана народным комитетам, и они предоставляют ее нуждающимся.

НА УЛИЦАХ ГОРОДА И БЕРЕГАХ ТАДОН-ГАНА

Раннее утро. Улицы еще пустынные. Лишь кое-где на перекрестках поблескивают раскаленные угли переносных печурок. Возле них примостились торговцы жареными каштанами. Дымят трубы домов, сизый туман поднимается над городом.

По главной улице движутся первые трамваи, доотказа заполненные людьми. Трудовой Пхеньян спешит на работу. Поблескивая фарами и отчаянно пытаясь, идут тяжело груженные газогенераторные автомашины. Начинают грохотать запоры и ставни многочисленных лавчонок, открываются витрины со всевозможными товарами.

Здесь вы встретите немало предметов, уже выпускаемых молодой корейской промышленностью для жителей. И рядом остатки товарного хлама, которым Япония наводняла свои колонии. Тюбики пересохшей зубной пасты из Йокогамы, куцые мужские сорочки из какого-то странного материала, расплзающегося при первом же прикосновении,

негодные зубные щетки с деревянной ручкой и грубой щетиной, тысячи разных безделушек.

Встречаются в лавчонках предметы обмундирования американской армии: американские солдаты и офицеры широко спекулируют в Южной Корее.

Витрины продовольственных лавочек украшены неизменными фазанами с яркозелеными перьями. Впереди красуются стеклянные банки с фисташками и семечками, ящики с яркими красными

Уголок Пхеньяни. Маленькие домики тесно жмутся друг к другу.

Прибрежный базар у реки Тадон-ган. Берег уставлен огромными полированными глиняными чанами.

яблоками, аккуратные трубочки из рисовой соломы, в которых лежат куриные яйца. Всюду развешаны плоские сушеные каракатицы — любимое корейское лакомство.

* * *

Оживленная торговля кипит и на берегу реки Тадон-ган.

Сотни джонок прибывают сюда из глубины страны. Они доставляют тысячи тонн корейской капусты (кимчи) и редьки (лоба).

С берегов Желтого моря привозят тюки сушеной и соленой рыбы.

Из далеких лесных районов приплывают плоты. Рабочие-грузчики укладывают тяжелые бревна на специальные

коромысла и поднимают их на крутой берег.

Весь берег уставлен огромными, в рост человека, полированными глиняными чанами. Сейчас сезон квашения капусты, и для него, собственно, и предназначены эти чаны.

Корейская капуста по виду отличается от нашей. Кочаны ее напоминают гигантские цветки лилии. Приготавливают капусту по-особенному. Между листьями кладут тонкий слой красного перца, отчего она получает острый и пряный вкус.

Капуста навалена горами. Тут же городские жители скупают ее и на маленьких двухколесных тележках увозят домой.

Вот две молоденькие кореянки тща-

тельно выбирают глиняный чан. Чуть поодаль предлагает свой товар пожилой торговец сушеной рыбой. Покупательница, у которой на голове чудом держится большой таз, долго торгуется. Наконец они сговорились. Корейка снимает с головы свой таз и заполняет его ворохом сушеной рыбы.

В тени, под навесом, отдыхают рабочие-грузчики. Они сидят на корточках перед маленькими столиками и, ловко орудуя деревянными палочками, едят длинную прозрачную лапшу.

* * *

Гордость Пхеньяна — старинная пагода на берегу Тадон-гана. В тени ее на тонких цыновках из рисовой соломы сидят старые люди в широкополых шляпах, с невозмутимо-загадочными лицами. Их глаза полузакрыты, руки сложены на груди. Перед ними лежат древние фолианты, испещренные замысловатыми рисунками и сложными иероглифами.

Это предсказатели будущего. Видом своим предсказатель будущего напоминает изваяние будды, стоящее у подножия пагоды.

Мы минуем пагоду и попадаем в узкий людный переулочек. Здесь множество кустарных мастерских.

Литейщик отливает из расплавленного металла круглые чугунные чаны для варки риса. Два молотобойца, полуголые, с большим искусством ловко орудуют тяжелыми молотами, выковывая лопаты и топоры. Из старых железных бочек кустарь-жестянщик мастерит переносные печи. Его маленькая мастерская не в состоянии вместить громоздкие изделия, и они длинными рядами выставлены прямо на улице.

В другой мастерской старик-кореец, легко постукивая маленьким молоточком, выковывает из бронзы лопаточки и палочки для еды.

Пройдя переулочек, мы попадаем на центральную магистраль города — улицу Минбонри. Вдоль нее висят черные матовые вывески, на которых изображены огромные, выписанные золотом иероглифы.

На улице Минбонри много магазинов и мелких лавчонок. Тут же подле лавчонок женщины стряпают обед, стирают белье, шинкуют капусту. Рядом бегают многочисленная детвора. В лавчонках не только торгуют, но и живут.

Корейский грузчик.

Корейская продовольственная лавка

Гостеприимные надписи на русском языке, сделанные ради удобства советских воинов, встречаются сейчас на каждом шагу. Вот некоторые

из них: «Фотография Тихий океан», «Закройщик с высшим образованием». Стрелка с надписью «Иди сюда» ведет к одному из ресторанов под названием «Мастерская здоровья».

В лавчонках встречаются короткие, но весьма выразительные надписи: «Колбаса есть», или «Дорого нет!!!», или «Ку-ри-ца!!!». На витрине парикмахерской мы прочитали: «Это парикмахер. Зайдите, пожалуйста».

Днем движение на улицах Пхеньяна постепенно замирает. Трудовой народ столицы занят на заводах и фабриках, на строительстве и в городском хозяйстве.

Напряженный рабочий день начался.

РАБОЧИЙ ЦОЙ ЗЕН СЕН

Приближался день выборов в народные комитеты. Чтобы познакомиться с кандидатом в депутаты рабочим Цой Зен Сеном, мы отправились к железнодорожным мастерским Пхеньянского узла.

Это был огромный двор, на котором среди железнодорожных путей было набросано такое количество старого железного лома, что нам приходилось поминутно перепрыгивать через разбитые колеса, спотыкаться о ржавые ресоры, перелезать через груды искорванных рельсов.

Вот она, в натуральном виде, хваленая японская система эксплуатации железнодорожного транспорта.

Среди этого хлама кое-где возвышаются наспех сделанные деревянные

навесы; под ними стоят сверлильные и токарные станки, паровые молоты. Таковы железнодорожные «мастерские», где ремонтируется подвижной состав Пхеньянского узла. Назвать это скопление деревянных шалашей «предприятием» могли только японцы.

Под одним из навесов у сверлильного станка работает высокий худощавый кореец, одетый в измазанную машинным маслом бумажную курточку и с каскеткой на голове. Это сверловщик Цой Зен Сен, рабочий, рядовой член Трудовой партии, кандидат в депутаты Пхеньянского городского народного комитета.

Его лицо серьезно. Он поглощен работой. Из-под быстро вращающегося сверла поднимается дымок. Но вот

отверстие просверлено. Цой Зен Сен ловкими, четкими движениями, в которых чувствуется мастерство и многолетний опыт, поднимает сверло, включает станок, освобождает деталь и, бросив внимательный взгляд на готовое отверстие, любезно улыбается нам.

Тридцать лет Цой Зен Сен работает в железнодорожных мастерских у этого станка. Он в совершенстве знает свое дело. Но что он приобрел за эти долгие трудовые годы?

Всю свою жизнь он с семьей прожил в шалаше, сложенном из старых, полусгнивших досок. Летом в шалаше жара, зимой — холод.

«Всю жизнь я мечтал поспать на настоящем теплом кане, — сказал нам Цой Зен Сен. — И только теперь мне дали настоящий дом. Моя жена никак не может привыкнуть к ватному одеялу, которое мы недавно приобрели. При японцах нам приходилось доволь-

ствоваться старым куском солдатского сукна. Сейчас мои дети одеты. Мы забыли чувство голода. Рис не сходит у нас со стола. Мы знаем, что будем жить еще лучше. Мы знаем, кто принес нам эту жизнь, кто прогнал проклятых японцев...»

С этими словами Цой Зен Сен достал из бокового кармана старый, потрепанный бумажник, раскрыл его и, как драгоценность, как дорогую реликвию, осторожно вынул небольшой клочок газетной бумаги, на котором был оттиснут портрет товарища Сталина.

Долго и внимательно Цой Зен Сен смотрит на этот портрет и затем бережно прячет его в карман.

Взглянув на станок, он, как бы извиняясь, улыбнулся и включил мотор.

Переводчик пояснил, что Цой Зен Сен в честь выборов взял на себя обязательство вдвое выполнить свое задание и поэтому должен торопиться.

ПАК ДЕН АЙ

Кто слышал в Корее год назад о простой работнице Пак Ден Ай! Кто знал ее! Пожалуй, только те, кто вместе с ней трудился в грязных, душных цехах фабрики резиновой обуви в Пхеньяне.

Сейчас имя Пак Ден Ай с уважением и любовью произносят все женщины Северной Кореи. Это она возглавляет Женский демократический союз, объединяющий передовых женщин Северной Кореи. Организации союза существуют сейчас в каждом городе и в каждом селе.

Еще недавно корейская женщина была на положении рабыни. Она несла тяжелое бремя, освященное древними традициями и узаконенное религией.

Испокон веков рождение девочки считалось несчастьем в корейской семье. С самого раннего возраста девочек приучали к тяжелой работе. Пятилетние дети уже обязаны были помогать матерям. В шесть лет девочки выполняли домашние работы: варили рис, квасили капусту, разделявали рыбу, стирали белье, нянчили своих младших братишек и сестреночек. Семилетних отправляли на японские текстильные и табачные фабрики.

С двенадцати лет девочек старались выдать замуж. В семье мужа они должны были не только вести хозяйство, выполнять домашние работы, воспитывать детей, но и трудиться в поле или на фабрике.

Корейские женщины были поголовно неграмотны. В Корее не было женщин-врачей, женщин-инженеров и только изредка можно было встретить женщину-учительницу.

После освобождения Кореи от японского ига, когда народ получил возможность строить свое государство, корейская женщина впервые смогла поднять голос в защиту своих прав.

Женский демократический союз следит за тем, чтобы решения Народного комитета об уравнивании женщин в правах с мужчинами выполнялись точно и неуклонно.

Волнующую картину представляло собой собрание женского актива

Пхеньяна, на котором нам довелось присутствовать.

Представьте себе большой светлый зал без стульев. Вместо них на полу лежат соломенные желтые циновки, на которые, поджимая под себя ноги, усаживаются женщины-активистки.

Вот вошла одетая в белые шелка, с традиционной чалмой на голове престарелая Ким Сан Ду, мать шестнадцати детей. Рядом с ней усаживается на циновки молодая женщина Пак Сен Ен с крохотным ребенком за спиной. Она закутана в яркое лилового цвета одеяло, над которым торчит остроконечная, опушенная мехом шапочка малыша.

Выступает председатель Женского демократического союза Северной Кореи Пак Ден Ай. Рядом с ней — артистка Цой Сын Хи и работница Ли Чан.

Собрание женщин города Пхеньяна.

Веселый смех и говор несутся из задних рядов, где примостились девушки в ярких цветистых блузках, с большими бантами.

В зал входит невысокого роста худощавая женщина. По оживлению в зале, по настороженным взглядам, по дружеским улыбкам мы поняли, что эту женщину здесь уважают и любят.

Это работница Пак Ден Ай. Вместе с ней за столом президиума показались артистка Цой Сын Хи и работница Ли Чан.

Собрание началось.

С докладом выступила Пак Ден Ай.

Когда она начала говорить, лицо ее преобразилось, темные, глубокие глаза заблистали огнем и силой, страстно и убедительно зазвучал голос.

Пак Ден Ай говорила о том, как народ Северной Кореи укрепляет свое государство, как в этом строительстве участвуют женщины. Приводила факты, примеры, рассказала, как женщины Кайсена создали первые в Корее детские ясли.

Временами лицо этой женщины дышало гневом.

Она с негодованием говорила о происках реакционеров-предателей в Южной Корее, которые, пользуясь американским покровительством, мешают корейскому народу строить свое государство.

Доклад Пак Ден Ай вызвал оживленные прения.

Выступает Ли Чан. Никогда еще ей не приходилось участвовать в собра-

ниях, не приходилось говорить публично. Она волнуется; сказав фразу, некоторое время молча думает и затем продолжает, не забывая похлопать сынишку, привязанного к спине, как бы говоря ему: «Потерпи, дружок! Не кричи, малыш! Дай мне собраться с мыслями!»

Одна за другой выступают корейские женщины. Они обсуждают вопрос

об организации, по примеру женщин Кайсена, детских яслей.

Ясли — неслыханное новшество; они помогут изменить весь уклад жизни корейской женщины.

Собрание закончено. Активистки окружают Пак Ден Ай. У каждой из них много вопросов. Жизнь становится новой, необычной, полной животрепещущих интересов и дел.

В НАРОДНОМ КОМИТЕТЕ

Со всех концов страны люди приезжают в Пхеньян, чтобы разрешить важные жизненные вопросы. Здесь можно встретить и учителя из города

Сингисю, уточняющего учебные программы школы, и крестьянина из провинции Северный Хамхын, который приехал, чтобы получить минеральное

Здание Народного комитета Северной Кореи в городе Пхеньяне.

удобрение, и торговца, доставившего крупную партию рыбы из Циннампо, и секретаря организации Трудовой партии из Сейсина, и сельского священника из Иотоку, и директора крупного завода из Вонсана.

В райсне центральной площади, названной именем Ким Ир Сена, расположены Народный комитет Северной Кореи, Центральный комитет Трудовой партии, Женский демократический союз, городской народный комитет и другие государственные и общественные учреждения.

Мы входим в помещение Народного комитета Северной Кореи.

Это многоэтажное здание темносерого цвета, с широким парадным входом, у которого стоит вооруженный юноша в фуражке и длинной защитного цвета шинели.

На каждом этаже дежурные освещают у нашего переводчика о цели нашего посещения и вежливо указывают, куда идти.

Стены большого зала украшены

огромными портретами товарища Сталина и Ким Ир Сена и государственными знаменами Советского Союза и Кореи.

В этом зале сейчас происходит заседание Единого национального демократического фронта Северной Кореи, объединяющего передовые, демократические силы страны.

На заседании обсуждается ход подготовки к избирательной кампании.

В здании Народного комитета помещаются департаменты промышленности, торговли, сельского хозяйства, народного образования и другие.

В Пхеньяне находятся центральные советы профессиональных союзов, руководящие органы союза крестьян Северной Кореи, союза молодежи, Общества культурной связи с СССР и многих других организаций, ведущих активную общественную деятельность. Более четырнадцати газет издается в столице. Самой большой популярностью пользуется газета Трудовой партии «Нодон-Синмун».

НАКАПУНЕ ВЫБОРОВ

Наступает вечер.

В эти часы вновь оживают улицы города.

Из типографий со свежими номерами газет выбегают толпы мальчишек-газетчиков.

Серые зимние сумерки окутывают город. На потемневшем небе вспыхивают звезды. Бумажные стены домиков озаряются изнутри матовым светом.

Переполненные трамваи выбрасывают сотни пассажиров. Трудовой люд спешит домой.

В ярко освещенных лавчонках начинают дымиться печи. Загораются площ-

ки, светильники, бумажные фонарики над ларьками продавцов каштанов и корейских лакомств.

У кинотеатров собираются толпы людей, жаждущих посмотреть советские кинофильмы, которые пользуются здесь большим успехом.

Ярким электрическим светом залит подъезд огромного здания. Здание украшено лозунгами на корейском языке, национальными флагами. Раньше здесь помещался клуб японских офицеров. Сегодня в этом доме собираются представители всех демократических организаций Северной Кореи,

Перед выборами. Корейские женщины проверяют свои фамилии в списках избирателей.

чтобы заслушать предвыборную речь главы Народного комитета Ким Ир Сена.

На трибуне Ким Ир Сен.

«Третье ноября 1946 года, — сказал он в своей речи, — будет историческим днем для нашей родины и нашего народа. За длительную свою историю наш народ никогда не имел возможности проявлять свою волю в установлении власти и в избрании ее органов. Власть всегда навязывалась сверху, независимо от желания народа, и всегда это была антинародная власть. Эти времена ушли в прошлое. Впервые за свою многовековую историю мы получили возможность совершенно свободно избирать подлинно народные по своему характеру органы власти —

народные комитеты. Именно поэтому день третьего ноября является историческим, знаменательным днем...

Прошел всего лишь один год с того дня, когда наш народ был освобожден от японского рабства. За этот год народ Северной Кореи, пользуясь дружественной помощью Советской Армии и великого Советского Союза, своим упорным и самоотверженным трудом добился больших успехов в экономических, политических и культурных преобразованиях нашей родины. Но это только начало...»

Ким Ир Сен призвал народ дружно явиться на избирательные участки, единодушно голосовать за кандидатов Единого национального демократического фронта и тем содействовать

дальнейшему укреплению и расцвету Кореи. Он призвал трудящихся показать всему миру, что корейский народ организован, единодушен, способен к самоуправлению.

«Да здравствует единство и сплоченность нашего народа!» восклицает в заключение Ким Ир Сен.

Последние слова зал встречает бурными аплодисментами. И вдруг сквозь шум аплодисментов и возгласов возни-

кает дорогое и близкое слово — Сталин!

Все как один поднимаются со своих мест, и тысячи рук трижды вздымаются вверх.

«Мансе! Мансе! Мансе!»¹ единодушно восклицают представители корейского народа, приветствуя великого вождя Советского Союза.

¹ Мансе — буквально: «десять тысяч лет»; соответствует нашему «ура».

ПРАЗДНИК НАРОДА

Наутро, не успели мы отдохнуть и приготовить свои аппараты для киносъемки, как под самыми окнами нашей комнаты раздались мощные звуки труб.

Мы подошли к окну. В эти предра-светные часы город был озарен многочисленными огнями иллюминации.

Улицы уже были заполнены празд-

Улицы были заполнены празднично одетым народом. С плакатами и знаменами шли колонны людей

В это утро во всех городах и селах Северной Кореи народ организованно шел к избирательным участкам.

нично одетыми людьми. Колонны демонстрантов со знаменами шли на избирательные участки.

Двигались трамваи, украшенные гирляндами цветов и большими полотнищами с огромными иероглифами. Звуки национальной музыки неслись со всех сторон.

Город преобразился, приукрасился. Всюду панно с изображениями Ленина и Сталина, портреты деятелей Народного комитета. Поперек улиц развешаны яркочерные шелка, ленточки серпантина обвивают дома, висят на проводах. Глашатаи с гонгами в руках зыч-

ными голосами приглашают избирателей на участки.

Молодые агитаторы на разукрашенной автомашине выкрикивают через рупоры лозунги. Они призывают избирателей отдать свои голоса за кандидатов блока Единого национального демократического фронта и избрать в народные комитеты лучших сынов корейского народа.

Мы останавливаемся у одного из избирательных участков. Вся площадь заполнена. Тысячи мужчин в длинных черных халатах, в серых шелковых жилетах, женщины в ярких блузках и

в белоснежных праздничных одеждах собрались задолго до начала голосования.

Торжественно входят корейцы в помещение избирательного участка, с уважением кланяются членам избирательной комиссии, среди которых многие узнают знакомых, берут бюллетени и направляются к урнам.

Над урнами красуется фотография пожилой кореянки Ким Се, кандидата в народный комитет Пхеньяна. Позже нам довелось познакомиться с Ким Се.

Она работница фабрики резиновой обуви. Большую часть своей жизни работала на хозяина. В грязном, душном помещении она, сидя на полу, изо дня

в день натягивала сырую резину на металлические колодки.

В списках кандидатов мы увидели имена и героя народно-освободительного движения Ким Ир Сена, и рабочего железнодорожных мастерских Цой Зен Сена, и известной актрисы Цой Сын Хи, и многих, многих других верных сынов и дочерей корейского народа.

На площадях перед избирательными участками народ веселился. На импровизированных подмостках артисты разыгрывали древние классические пьесы, выступали хоры.

В празднике участвовали и дети. Девочки-школьницы, в одинаковых форменных платьицах, с большими во-

Избирательный участок. Получение бюллетеней.

Две урны — белая и черная — спрятаны за ширмой. Поднятая рука показывает, что бюллетень опущен.

ротниками и яркокрасными или зелеными галстуками, звонкими голосами пели новую песню о Сталине:

Свергший фашизм Полководец века!
Неизменный Великий Друг народов!
Склонив головы, мы преподносим
Тебе Красный Цветок.
Зазвучи высоко, высоко эта песня —
Сталин! О ты, Вождь века!

Маленькие корейки под звуки барабана исполняли изящные национальные танцы. Их тонкие, детские ручки то складывались вместе, то расходились врозь, то изгибались в такт музыке.

К десяти часам утра почти повсеместно голосование было закончено, но праздник продолжался еще долго.

Целый день носилась наша автомашина по городу. Мы старались отобразить на кинопленке наиболее яркие эпизоды этого всенародного ликования.

* * *

Итоги выборов превзошли наилучшие предположения. Несмотря на то что кое-где враги корейского народа и религиозные сектанты, подстрекаемые реакционерами из Южной Кореи, пытались сорвать выборы, народ сказал свое слово.

В выборах приняло участие 99,6 процента избирателей; 97 процентов всех голосовавших отдали свои голоса за кандидатов Единого национального демократического фронта.

В состав народных комитетов оказались избранными кандидаты Единого национального демократического фронта, объединяющего все партии и общественные организации Северной Кореи.

Выборы доказали полную победу сил демократии, подтвердили прочность и неизбежность власти народных комитетов.

В дни опубликования итогов выборов по всей Северной Корее прошли многотысячные митинги. Мы видели, с какой радостью встречали итоги выборов рабочие и крестьяне.

Сорок лет корейский народ не знал святого, прекрасного слова «Родина». Он жил на земле своих отцов и не мог сказать о себе с гордостью: я кореец.

И вот слово «Родина» зазвучало в песнях. С новыми песнями народ выходил на улицы и площади.

Гуляньями, играми и плясками отмечало свою победу население городов и деревень.

По всей стране царил настоящий праздник.

Гуляньями, играми и плясками отмечало свою победу на выборах население городов и сел.

ГЛАВА 5

ВЕЛИКОДУШНЫЙ АКТ

В северной части Пхеньяна на круглом холме, возвышающемся над изогнутыми крышами корейских домиков, стоит мрачное прямоугольное здание с высокой кирпичной трубой.

Раньше в этом здании помещалась японская жандармерия. По ночам отсюда доносились приглушенные стоны истязуемых людей, а по утрам грузовики вывозили трупы замученных.

В тот день, который мы описываем, к дому на холме одна за другой подъезжали легковые автомашины с корейскими флажками на радиаторах.

Выходившие из машин обменивались приветствиями и поднимались в здание. Среди присутствующих в просторном зале, украшенном советскими и корейскими флагами, мы узнавали многих знакомых нам членов Народного комитета.

У большого письменного стола стоял командующий советскими войсками в Северной Корее генерал-полковник Чистяков.

Он предложил всем присутствующим занять места.

Справа расположились представите-

На торжественном заседании, посвященном передаче Советской Армией корейскому народу промышленных предприятий, принадлежавших японцам.

ли Советской Армии, слева — председатель Народного комитета Ким Ир Сен и руководители департаментов Народного комитета.

На столе у генерал-полковника лежала толстая папка с надписью: «Акт о передаче промышленности».

В соответствии с законом Народного комитета Северной Кореи о национализации промышленности Советское правительство в этот день передавало корейскому народу все заводы и фабрики, принадлежавшие японцам и находившиеся под охраной Советской Армии.

По международным законам эти предприятия являлись военными трофеями Советской Армии. Безвозмездная передача промышленности корей-

скому народу — великодушный акт Советского Союза.

Советник командующего по вопросам промышленности поднялся со своего места, и в наступившей тишине отчетливо слышны были его слова:

«...Представители Советского военного командования передали, а представители Народного комитета Северной Кореи приняли промышленные предприятия, гидростанции, пути сообщения, средства связи, расположенные на территории Северной Кореи...»

1034 промышленных предприятия передавались в руки корейского народа.

Начальник департамента промышленности Ли Мун Хван из рук советских

военных представителей принял «Акт». Лицо его взволнованно, на глазах слезы. Он хочет что-то сказать, но, видимо, ему трудно выразить чувства, которыми он охвачен.

Ким Ир Сен подходит к генерал-

полковнику Чистякову и, крепко пожимая ему руку, выражает горячую признательность Советскому Союзу и просит передать слова сердечной благодарности корейского народа великому Сталину.

НАШ ПЕРЕВОДЧИК ЛИ

Мы живем в гостинице на улице Досанри. Гостиница устроена на европейский и восточный лад одновременно. «Азиатская» часть состоит из крохотных комнаток с решетчатыми раздвижными стенками и с неизменным каном.

На стенах комнат развешаны японские картинки из шелковых свитков. Картинки изображают либо пестрого полугая, либо веточки цветущей вишни, либо японский вулкан Фудзияма. Большой обеденный зал украшен панелями из черного дерева, причудливо изрезанными восточным орнаментом. Многочисленные ширмочки на японский манер разделяют зал на несколько частей.

В годы японского владычества здесь веселились господа, гремела музыка, и коротконогие, с жиденькими усиками японские офицеры, оскалив рты, провозглашали тосты «за японскую империю».

Корейцы обязаны были за три квартала обходить эту гостиницу, чтобы не нарушить покой «арийцев Востока».

* * *

В дверь нашей комнаты вежливо постучали.

На пороге появился высокий худощавый кореец лет тридцати пяти, с застенчивой улыбкой на губах.

Войдя, он, с видимым удовольствием щеголяя знанием русского языка, четко произнес: «Приветствую, друзья! Рад с вами познакомиться».

Это был переводчик Ли, которого мы с нетерпением ждали уже в течение нескольких дней.

— Откуда вы так хорошо знаете русский язык? — спросили мы нового знакомого.

— О, это длинная история! — ответил Ли. — Чтобы ее рассказать, нужно много фисташек, лимонаду и хотя бы одну сушеную каракатицу.

Когда на столе появились эти лакомства, Ли не заставил больше себя упрасивать и рассказал нам историю своей жизни:

— Я родился на берегу полноводной реки Сунгари, самой большой реки в Маньчжурии, которая несет свои мутные воды в далекий Амур. Отец мой покинул родную Корею в те годы, когда японцы ворвались на нашу родину и забрали у нас нашу землю. Я помню, как долгими часами он просиживал на берегу Сунгари, печально глядя на быстрые ее воды, и слезы капали из его глаз.

«О чем ты думаешь, отец?» спрашивал я его.

«О родной моей реке Тадон-ган», отвечал он.

Он воспитал во мне ненависть к японцам, которые отняли у нас землю

и кров, он привил мне любовь к родине.

После смерти отца я уехал в Харбин, чтобы заработать на кусок хлеба. Долгое время голодал, собирал остатки пищи в мусорных ямах, спал под торговыми рундуками на базарной площади, носил тяжести, пилил дрова. Наконец мне удалось устроиться на черную работу к богатому русскому торговцу из белогвардейцев. Я таскал тяжелые ящики с вином из глубокого подвала. У моего хозяина было много русских служащих, и я стал понимать русский язык. Однажды, устав от непосильной работы, я свалился у входа в подвал. Ко мне подошел молодой русский рабочий по имени Петр — он работал плотником на винном складе.

«Здравствуй, Ли, — сказал Петр. (А надо вам сказать, я не привык к тому, чтобы меня называли по имени.) — Здравствуй, Ли, — повторил он еще раз. — Мне нужно поговорить с тобой».

Мы тихонько спустились в подвал и долго разговаривали, спрятавшись между двух огромных бочек. Он расспрашивал меня о моей жизни, о том, где я живу и чем питаюсь. Впоследствии наши тайные встречи повторялись ежедневно. Петр научил меня читать по-русски. Он рассказывал мне о своей родине, о далекой России, откуда приехал ребенком и которую многие годы не видал, как не видал и я своей родной Кореи.

Петр рассказал мне, как живут на его родине люди, освобожденные от рабства и взявшие власть в свои руки. Он назвал мне имена великих вождей революции Ленина и Сталина.

Шли годы. Однажды Петр принес мне русскую книгу, изданную в Москве. Называлась она «Вопросы ленинизма» Сталина.

Долгие ночи проводил я за этой книгой, медленно разбирая слова при свете ночника. Многие открыла мне эта великая книга.

Когда японцы ворвались в Маньчжурию, я оставил свою работу, попрощался с другом моим Петром и отправился на юг, в провинцию Шаньдун, где, по рассказам товарищей, действовали корейские партизаны.

Темной ночью привели меня горными тропами в пещеру, где помещался штаб отряда. Вместе с моими соотечественниками я вел упорную, тяжелую борьбу. Это были годы лишений и испытаний. Наши силы беспрерывно росли. В те дни, когда могучая Советская Армия разгромила японских самураев, наш отряд перешел реку Амнок-кан, и мы вернулись на родину...

Мы поблагодарили гостя за интересный рассказ и познакомили его с целью и характером нашей работы. Нам предстояло поближе познакомиться с Кореей, ее промышленностью и сельским хозяйством, культурными учреждениями и, главное, ее людьми.

СТАРЫЙ РАБОЧИЙ ЛУ САН ОК

Широкая ровная дорога ведет нашу машину из Пхеньяна в город Циннампо, крупный порт на Желтом море. Вокруг редкие в Северной Корее равнинные места. Селения расположены

так густо, что одно почти незаметно переходит в другое.

До Циннампо было еще далеко, когда на горизонте показалась одинокая труба завода цветных металлов.

Один из крупнейших металлургических заводов в Корее.

В освобожденной Корее

Вскоре мы подъехали к заводским корпусам, возвышающимся над всей окружающей местностью. Колоссальные бетонные стены завода оказались совершенно без окон. Если бы не дымящая труба, не бегущие по рельсам вагонетки с рудой, можно было подумать, что перед нами не завод, а гигантская тюрьма.

Тысячная толпа рабочих заполнила заводской двор.

Оживление, царившее здесь, вывешенные повсюду флаги и лозунги говорили о необычайном, праздничном событии.

Ли объяснил, что мы попали на митинг, посвященный передаче промышленности корейскому народу.

С трудом пробираемся к небольшой трибуне, устроенной в глубине двора.

Один за другим выступают рабочие. Ли едва успевает переводить горячие речи.

На трибуну поднимается старик-рабочий. Его лицо покрыто глубокими морщинами, а длинная редкая борода клинышком свидетельствует о почтенном возрасте.

Он начал не сразу. Внимательным взглядом обвел стоявших перед ним людей и лишь после этого заговорил. Его медленная речь и спокойный голос как бы подчеркивали торжественность момента.

Мы записали речь старого рабочего. — Мне уже много лет, — сказал

Цех металлургического завода.

он, — но, вспоминая всю свою жизнь, мне кажется, что я прожил только один мрачный день.

Сорок лет, не разгибая спины, не зная сытости, я работал на японцев. Я видел детей моих, обессиленных тяжелым трудом. Они проходили свой жизненный путь без радости и счастья. Я видел мой народ, которому некогда было пролить слезу о своей беспрдельно горькой судьбе.

Металл обжигал мою одежду и кожу. Мне казалось, что металл был моим самым злейшим врагом. Японцы заставили меня забыть о том, что я человек. Меня заставили думать, что я создан для рабского труда, что таков удел мой и удел моих детей.

Но вот сегодня я стою здесь перед вами, мои дорогие братья. В день великого торжества, когда мы, простые

люди, становимся хозяевами своей судьбы, я говорю вам: день наш только начинается. И дети мои и внуки будут счастливыми, полноправными гражданами в любимой всеми нашей стране.

Я стар, я очень стар. Мои глаза плохо видят. Но я вижу прекрасное будущее нашей родины.

И сегодня мои глаза обращаются к великой Советской стране. Я хочу принести ей свою благодарность от себя лично и от вас, мои дорогие друзья.

Спасибо русскому воину! Спасибо русскому народу! Спасибо Сталину!

Старик низко-низко поклонился и медленными шагами удалился с трибуны.

Тысячи рук троекратно поднялись вверх. Долго не смолкали восторженные крики «мансе» в честь Советского Союза и товарища Сталина.

В ЗАВОДСКИХ ЦЕХАХ

Нас проводят в большую комнату. Сквозь огромные окна виден весь завод.

Здесь мы знакомимся с новым директором завода Ким Си Хваном. Пятнадцать лет он проработал на этом заводе, в совершенстве изучил свое дело, но оставался простым рабочим. Сейчас Ким Си Хван не только директор крупного завода, но и государственный деятель — член народного комитета города Циннампо.

— Вы слышали на митинге выступление старого рабочего Лу Сан Ока? — спрашивает Ким Си Хван.

Мы отвечаем, что эта речь даже записана нами.

— Очень приятно! — неожиданно по-русски говорит Ким Си Хван. — Если бы вы знали, какой это старик! —

продолжает он уже по-корейски. — Мы ему говорим: «Лу Сан Ок, довольно тебе работать. Мы установим тебе пенсию. Отдыхай, воспитывай своих внучат». А он отвечает: «Нет, сейчас мне только и работать».

У нас на заводе работают трое его сыновей и дочь. Вот мы и создали бригаду Лу Сан Ока. Отец руководит ими. Они построили специальное коромысло для разливки цинка; коромысло во много раз облегчило труд. Как они славно работают! Раньше на этом заводе никто так не работал.

По нашей просьбе Ким Си Хван рассказывает о себе. За много лет работы на этом заводе он освоил технологию и предложил даже способ, как упростить труд рабочих. Но японский надзиратель только посмеялся

над ним. В «благодарность» за предложение его перевели на более тяжелую работу.

— Так я и остался простым рабочим, — говорит Ким Си Хван. — Японцы не доверяли нам, корейцам, не только должности инженера, но даже мастера... Когда народный комитет назначил меня директором этого комбината, я ощутил большую радость и гордость. Признаться, мне пришлось бы очень туго, если бы не советский инженер товарищ Назаренко. Он пришел к нам сюда, чтобы помочь восстановить разрушенный японцами завод. Только с его помощью мы смогли решить самые сложные задачи.

Едва Ли перевел последние слова, как в кабинет вошел Николай Георгиевич Назаренко.

Он уже знал о нашем приезде. Радостно было встретить русского человека так далеко от родины, от Москвы.

Поздоровавшись, стали припоминать, где мы уже видались. И тут память подсказала давно прошедшее. Лет десять назад, снимая фильм о Северной Осетии, мы встретились с инженером Назаренко на Орджоникидзевском заводе.

Он показывал нам тогда цехи завода и знакомил с производством.

— Ну что же, — весело сказал Николай Георгиевич, — пойдете, я вас познакомлю с этим корейским предприятием, но тут, конечно, вы не увидите того, что я показывал вам когда-то на нашем заводе в Орджоникидзе.

Это типичный образчик колониального производства. Сырье привозилось из Маньчжурии, коксующиеся угли — с островов Южных морей, а готовая продукция, фактически полуфабрикаты, вывозилась в Японию для дальнейшей обработки.

Мы входим в цех выплавки цинка. Помещение напоминает огромный средневековый каземат. Солнечные лучи проникают сквозь узкие окна, расположенные у крыши, и теряются в облаках пара и дыма. Яркие вспышки гигантских электродов выхватывают из полутьмы фигуры работающих. Их лица обмотаны мокрыми тряпками, защищающими от вредных металлических испарений.

— Многое мы здесь переделываем, — как бы отвечая на наши мысли, говорит Николай Георгиевич, — но не так-то легко сразу изжить японское наследство.

В цехе выплавки цинка установлена вентиляционная система. На заводе введены врачебные осмотры рабочих. Слабые здоровьем переводятся на более легкую работу. Народный комитет принял закон о труде. В случае болезни за рабочим сохраняется его место и заработная плата. Впервые рабочие получили право на оплачиваемые отпуска.

Николай Георгиевич, улыбнувшись, продолжает:

— Вам эти нововведения кажутся закономерными, а ведь здесь это подлинная революция...

УДОБРЕНИЕ ВМЕСТО ПОРОХА

Самое крупное промышленное предприятие в Корее — химический комбинат в Конане. В комбинат входят

десятки разнообразных химических заводов. Перед концом войны на этом крупнейшем предприятии военного

Конанский химический комбинат. Вид со стороны моря.

значения работали десятки тысяч рабочих. Здесь вырабатывалось восемьдесят различных химических продуктов, в том числе порох, взрывчатые и отравляющие вещества. О масштабах комбината можно судить по тому, что он потреблял ежемесячно тысячи тонн угля и тысячи киловатт-часов электроэнергии.

На гигантской площади у берега моря раскинулись огромные цехи с бесчисленными печами, домнами, цистернами, газгольдерами.

Отступая под ударами Советской Армии, японцы остановили завод и бежали, увезя с собой чертежи и планы цехов, схемы технологических и производственных процессов. Комбинат застыл, мертвый и безжизненный.

Японцы полагали, что корейцы не сумеют восстановить это производство.

Но на помощь пришли советские специалисты и инженеры. Вместе с корейскими мастерами они заново разработали технологические процессы, привели в порядок сложнейшее хозяйство, расставили по местам людей, и жизнь вернулась в опустевшие цехи.

Сейчас комбинат в Конане готовит химические удобрения для крестьянских полей. Мы посетили склад готовой продукции.

Гигантские горы белоснежного порошка поднимаются под самую крышу. Это сульфат-аммоний — ценнейшее минеральное удобрение, без которого не может существовать сельское хозяйство Кореи.

Гигантские горы белого снежного порошка поднимаются под самую крышу. Это сульфат-аммоний — ценнейшее минеральное удобрение.

Раньше удобрения вывозились в Японию; потребности Кореи удовлетворялись в самой незначительной степени. Теперь крестьяне Северной Кореи получают такое количество удобрений, какое нужно для высокой урожайности полей.

Ким Ван Ду — начальник цеха — поясняет нам, что исходный продукт для выработки сульфат-аммония — воздух. Сколько же воздуха надо переработать, чтобы получить такое огромное количество удобрений!

С сульфат-аммонием здесь обращаются так, словно это — сахарный песок. Его рассыпают в мешки, вытканые из рисовой соломы, взвешивают

на точных весах и несколько лишних граммов порошка снимают специальным маленьким совочком.

Тысячи тонн сульфат-аммония лежат на складе, а бережно учитывается каждый грамм.

Грандиозный цех электролиза воды уставлен бесчисленным количеством специальных ванн. Они стоят в строгом порядке на площади размером в квадратный километр.

Не видно людей. Непривычно тихо, и кажется, что в этом цехе ничего не происходит, ничто не вырабатывается.

Мощные проводники высокого напряжения подводят ток к электродам. По трубочкам газ из ванн поднимается

вверх: отдельно кислород, отдельно водород.

Из маленьких трубочек газ попадает в большие и наконец собирается под колпаками газгольдеров, где ожидает дальнейшей переработки.

Рядом с этим цехом, где все процессы разработаны по последнему слову техники, где все происходит без прикосновения человеческих рук, расположен цех выплавки цинка.

Мы невольно останавливаемся в дверях и несколько минут стоим без движения, не в силах войти внутрь. Подобную картину мы уже видели на заводе в Циншампо. Черные силуэты фигур на фоне зловещих отблесков металла. Все делается вручную, ценою

огромного напряжения сил. Большие ковши с расплавленным металлом рабочие несут на коромыслах, сгибаясь под их тяжестью, ежеминутно рискуя быть обожженными.

Много трудов надо положить новым руководителям комбината, чтобы создать для рабочих нормальные условия труда. К тому времени, когда мы посетили комбинат, там не было еще ни врачебного пункта, ни столовой, и рабочие, вынимая из бумажных свертков свою еду, обедали тут же — подле остывающих чанов, у электропечей, у паропроводов, среди едких и вредных испарений.

Молодой рабочий комбината Ли Ква Дон сказал нам:

Судостроительная верфь в Вонсане. Митинг перед спуском на воду новой шхуны.

Отремонтированный паровоз медленно выходит из цеха

— Раньше наш завод готовил порох, динамит, ядовитые газы — все для смерти; сейчас мы делаем все для жизни. Недавно к нам приехали крестьяне. В благодарность за минеральные удобрения они привезли подарки: мешки с рисом и фрукты. Мы со своей стороны стараемся поднять производительность труда. За восемь часов я и мои товарищи даем продукции вдвое больше, чем за шестнадцать часов тяжелого труда при японцах. Каждый успех нашего предприятия — праздник!

Действительно, корейские рабочие теперь по-иному относятся к своему труду.

* * *

Это было на паровозоремонтном заводе в Вонсане. Рабочие досрочно закончили ремонт паровоза, первого паровоза для своей железной дороги.

Перед большим цехом по обе стороны железнодорожного пути стояли сотни рабочих.

Раскрываются ворота.

Украшенный лозунгами и плакатами, отремонтированный паровоз медленно выходит из цеха. Его встречают приветственными возгласами «мансе», радостными восклицаниями, аплодисментами.

Там же, в Вонсане, мы присутствовали при спуске на воду только что отстроенной шхуны. Спуск сопровождался торжественным церемониалом. От шхуны, стоявшей на стапелях судостроительной верфи, к рабочим на земле тянулись сотни ленточек серпантина.

И когда освобожденная от упоров шхуна скользнула в воду, в воздухе замелькали разноцветные ленточки. Лица расцвели улыбками.

«Доброго плавания!» несло со всех сторон.

ГЛАВА 6

КОРЕЙСКАЯ ЗЕМЛЯ

Корейский полуостров со всех сторон окружен гигантскими морскими просторами.

Летом ветры, дующие от экватора — муссоны, — приносят из района южных морей теплый морской воздух, чрезвычайно насыщенный влагой.

Самые ненастные месяцы — июнь и июль. В это время устанавливается пасмурная погода. Густые серые облака тумана несутся с юга. Они проносятся над самой поверхностью земли. Народ уже знает — приближаются летние наводнения.

К ним тщательно подготавливаются. Десятки тысяч людей выходят на

строительство дамб, чтобы удержать реки в своих руслах. Запасы продовольствия переводятся в гористые места.

Наступает период сырости. Гигрометры показывают, что влажность воздуха — 90 процентов. Кусок хлеба, оставленный на столе утром, к обеду покрывается зеленой плесенью. Плесень появляется всюду: и на коже сапог, стоящих под кроватью, и на костюмах, висящих в шкафу.

Затем начинается накрапывать легкий теплый дождь. Это уже серьезный сигнал. С этого времени прекращается всякое сообщение по грунтовым доро-

*Наводнения причиняют Корею неисчислимые бедствия.
Один из речных мостов, разрушенный летним наводнением.*

гам, самолеты остаются на аэродромах, пароходы отстаиваются в гаванях, железнодорожное сообщение в угрожаемых районах отменяется.

Сперва кажется, что дождь вот-вот кончится, что туман рассеется и снова выглянет яркое солнце.

Но дождь не перестает. Наоборот, с каждым днем он все усиливается и усиливается, постепенно превращаясь в ливень.

Темнофиолетовое небо нависает над самыми крышами. Днем на улицах становится совершенно темно. Специальные дозорные неусыпно следят за уровнем воды в реках, чтобы успеть во-время предупредить народ.

Но вот ливень усиливается, струи воды стучат по крышам, бьют о мостовую.

Наконец на землю низвергаются могучие потоки воды. Бурно ревя, они несутся по улицам и с каждым часом нарастают.

Ливень не приносит прохлады. Дышать становится труднее — нехватает кислорода. Так продолжается день, два, три, неделю...

Вода заливает жилища в низменных местах.

Старики, женщины и дети покидают свои дома и, захватив пожитки, взбираются на возвышенности, покорно ожидая окончания ливней.

Мужчины борются со стихией. Малейшая щель в дамбе должна быть немедленно ликвидирована, иначе вода размочит дамбу и ринется на поля.

Маленькие горные речушки превращаются в грозные потоки. Реки выходят из берегов и разливаются по плодородным землям, угрожая неисчислимыми бедствиями.

Когда же период ливней заканчивается и вновь на чистом голубом небе сияет солнце, люди берутся за работу, стремясь сохранить драгоценную влагу, без которой засохнут рис и гаолян, увянет кукуруза и сады не принесут плодов.

В сентябре, октябре и ноябре дожди не выпадают, а затем с середины де-

кабря до середины февраля стоит морозная погода.

На севере Кореи зима суровая. Зимние ветры дуют регулярно в юго-восточном направлении; они приносят с обширных просторов Сибири потоки холодного воздуха.

На юге Кореи климат зимой значительно мягче: там холодный воздух с севера прогревается теплыми водами Восточно-Китайского моря. Снег не держится и быстро тает. На крайнем юге его не бывает вовсе.

На севере Кореи растут сосны и березы, на крайнем юге—бамбук и лианы. На севере собирают хорошие урожаи пшеницы и картофеля, а на юге вызревают апельсины, лимоны, гранаты.

Корейские крестьяне работают на рисовом поле.

ТАМ, ГДЕ ВЫРАЩИВАЮТ РИС

Однажды мы проезжали по сельскохозяйственным, рисовым районам Северной Кореи.

Мы видели вспаханные земли на равнинах, сотни крохотных полей, расположенных в долинах рек, маленькие пашни, примостившиеся на крутых склонах, а кое-где даже на вершинах гор.

Здесь возделывают каждый клочок земли.

Встречались поля, наклоненные под углом в пятьдесят градусов. Сколько усилий, труда надо положить, чтобы обработать эту землю!

Мы видели в горах крестьян, кото-

рые, задыхаясь от усталости, тащили на своих плечах мешки с землей для своего поля.

Иные поля устроены прямо на голой гранитной скале. Из крупных камней сооружены подпорные стенки, а пространство внутри этой каменной ограды засыпано землей, принесенной из долин.

Тысячелетиями в тяжелом, упорном труде люди отвоевывали землю у гор, удобряли и выхаживали ее. И стала эта земля богатой и плодородной. Расцвели сады. Зазеленели гаолян и рис.

Возделанные поля стали приносить два урожая в год.

В стране, где в течение двух летних месяцев ливни приносят неисчислимые бедствия, в остальное время года нужно проявлять исключительную заботу о сбережении воды. Еще с давних времен в Корее существуют сложные оросительные системы; с их помощью снабжаются водой сады и рисовые поля.

Орошаемые поля устроены на строго горизонтальной поверхности. Они расположены одно над другим в виде террас.

Вода удерживается благодаря невысоким земляным бровкам.

Эти залитые водою рисовые поля сверкают на солнце, как тысячи зеркал.

После периода ливней наступает страшная жара. Солнце накаляет землю.

Все пересыхает. Трудно представить, как много нужно воды, чтобы покрыть водяным слоем рисовые поля и сохранить воду на протяжении всего лета.

Крестьянин из селения Кото

ХОЗЯЕВА ЗЕМЛИ

В жизни Северной Кореи самым важным актом Народного комитета был закон о земельной реформе. По этому закону земли помещиков, японцев и предателей были национализированы и переданы в руки трудового народа. Батраки, безземельные и малоземельные крестьяне получили в постоянное пользование свыше миллиона гектаров земли.

Нужно вспомнить, что до недавнего прошлого корейский народ не был хозяином своей земли. Помещики и японские сельскохозяйственные компании владели 65 процентами всех земельных площадей, а общее количество помещиков по отношению к населению составляло лишь 3 процента. Только пятая часть крестьянских хозяйств имела свою землю. Почти половина из них имела участки площадью не свыше 0,5 гектара.

В результате колонизаторской политики японцев сельское хозяйство Кореи было подорвано. Из 3 053 400 крестьянских хозяйств в 1942 году только 17 311 являлись собственниками, обладавшими достаточным количеством земли. Крестьяне вынуждены были идти в батраки к помещикам либо арендовать у них землю на кабальных условиях.

Все значение проведенной земельной реформы мы увидели, когда покинули Пхеньян и ближе познакомились с жизнью крестьян.

* * *

Яркой зеленью окутаны холмы. Среди них, покрытые тонким слоем воды, разбросаны рисовые поля. Далеко вокруг разносится протяжная гортанная песня.

Корейские крестьяне по колено в воде, низко согнувшись, от восхода до заката солнца работают на рисовом поле.

Возделывание риса можно сравнить с ювелирной работой. Вот крестьянин руками отделяет от пучка рассады ярко-зеленый росток риса, осторожно двумя пальцами погружает его в воду и втыкает в липкую грязь почвы. Каждый стебелек должен быть высажен на точно отмеренном расстоянии друг от друга; поэтому над водой во всю ширину поля протянута веревка с аккурратно навязанными узелками. Узелки определяют место посадки ростка.

Тут же, в поле, мы познакомились с крестьянином Ким Ен Нюром, коренистым, моложавым человеком.

Урожайность риса во многом зависит от того, на каком расстоянии посажены друг от друга ростки. Слишком малое и слишком большое расстояния снижают урожайность.

Для каждого поля, в зависимости от почвы, существует точно установленное расстояние.

Поэтому в крестьянских семьях от отца к сыну, из поколения в поколение передается, как драгоценная реликвия, кусок веревки с завязанными на ней узелками, обозначающими места посадки ростков риса.

Труд рисовода почти не поддается механизации. А японцы были заинтересованы в том, чтобы сохранить самые примитивные способы обработки рисо-

вых полей. Рабский труд корейского крестьянина стоил дешевле любой механизации.

Теперь, после земельной реформы, условия труда изменяются, корейские крестьяне с подъемом работают на своих полях, и любимая песня «Ари-ран» сопутствует их работе.

Тут же, в поле, мы познакомились с крестьянином Ким Ен Нюром, коренастым молодавым человеком с веселым, открытым лицом и загорелыми руками, потрескавшимися от длительной работы в воде.

Закончив обработку своего участка, Ким Ен Нюр направляется домой. Мы идем вместе с ним по узкой тропинке, выходящей между рисовыми полями.

Хижина, в которой крестьянин Ким Ен Нюр прожил десять лет.

Новый дом Ким Ен Нюра.

Представитель уездного комитета Трудовой партии с гордостью сообщает, что Ким Ен Нюр первым в уезде закончил посадку риса.

По пути Ким Ен Нюр рассказывает, что родился он в бедной крестьянской семье. Их было тринадцать братьев и сестер, жили в голоде и нужде. Едва почувствовав себя способным к самостоятельной жизни, Ким Ен Нюр покинул отчий кров и пришел сюда, в маленькую деревню Цори в уезде Консо, на берегу реки Тадон-ган. Десять лет он батрачил на земле помещика.

— Вот хижина, в которой я прожил десять лет, — сказал Ким Ен Нюр и показал рукой на небольшой шалаш

с покосившимися стенами, едва прикрытый полустелвшими снопами рисовой соломы.

Развалившийся забор, поломанная калитка, дыры вместо оконных рам, черепки битой глиняной посуды в маленьком дворике говорили, что жилище это покинуто хозяевами.

— Где же вы живете теперь? — полюбопытствовали мы.

— Сейчас увидите, — ответил Ким Ен Нюр.

Узкими деревенскими улицами, вдоль глухих глинобитных заборов, мы выходим на центральную площадь деревни.

Проходим длинный ряд строящихся домов и останавливаемся подле край-

Корейки в праздничной одежде.

него. Это совершенно готовый и уже обжитой дом, обнесенный невысоким заборчиком.

— Вот мой новый дом! — с гордостью произносит Ким Ен Нюр и гостеприимно распахивает калитку.

Мы уселись под навесом сарая, где хранились простые орудия труда корейского крестьянина, и продолжали нашу беседу. Вокруг собралась группа местных жителей.

— Вы интересуетесь, откуда у меня, у полунисского батрака, взялись средства на постройку такого дома? Извольте, расскажу. После земельной реформы местный народный комитет передал мне в собственность два гектара земли, конфискованной у помещика. Дни и ночи со своей семьей я

трудился на рисовом поле. Жена болела малярией, но не переставала работать. Ведь мы знаем, что теперь нет помещика, который отберет у нас урожай.

Мне удалось собрать с этих двух гектаров 64 мешка риса, по 60 килограммов в каждом, — всего почти четыре тонны первосортного риса.

Для себя я оставил полторы тонны. Этого количества моей семье вполне достаточно на целый год. Около тысячи килограммов я сдал государству, сохра-

нил часть на семена, а остальное продал. Вот откуда у меня взялись средства на строительство этого дома, — закончил Ким Ен Нюр.

Дом был построен добротно. По внешнему виду своему он резко отличается от обычных корейских строений: крыша правильной геометрической формы, окна большие, светлые. Во всем остальном он устроен, как здесь принято: с раздвижными дверями, с кухней между комнатами и, конечно, с неизменным каном. Кстати, кан у Ким Ен Нюра усовершенствованный. Две высокие кирпичные трубы, возвышающиеся рядом с домом, обеспечивают хорошую тягу, и в помещении всегда чистый, незадымленный воздух.

Ю Ж А Н И И

Среди крестьян, с интересом слушавших нашу беседу, оказался пожилой человек, одетый в рваную, запыленную одежду. Он был худощав,

щеки глубоко втянуты, бронзовая от загара кожа на лице покрыта резкими морщинами. Глаза его, живые, темно-коричневые, как у всех корейцев,

смотрели печально. Чем-то непередаваемо грустным веяло от всего облика этого человека.

— Это южанин, — ответил на наш вопрос один из местных жителей. — Он пробирается из района Фузан, что в Южной Корее, в провинцию Северный Хамген, к своим родственникам.

Мы поздоровались с южанином, крепко пожали ему руку.

— Так вот они какие, русские, о которых мы столько слышали! — сказал он, обращаясь к нашему переводчику, и пристально посмотрел ему в глаза, как бы ища в них подтверждения своим мыслям. — В нашем селе, — рассказал нам затем южанин, — тоже был народный комитет. Он организовался еще в августе 1945 года, когда Советская Армия разгромила японцев, а американские войска еще не высадились в Южной Корее.

В то время дошли до нас вести, что на севере Советская Армия добивает японцев и теперь корейский народ будет сам управлять своей страной.

Позже мы узнали, что в Южной Корее должны высадиться американские войска. Но мы не стали их ждать. Мы рассчитывали, что они поддержат наши добрые начинания и

помогут организовать новую власть на местах.

Вот мы и избрали свой народный комитет. В народном комитете работали такие же крестьяне, как и я, — и он назвал несколько имен. — Наш народный комитет, так же как и на Севере, стал заботиться о простых тружениках — крестьянах. Он конфисковал землю японцев и корейских помещиков и собирался передать ее крестьянам. Но в скором времени, в октябре 1945 года, в наше село явился отряд корейской полиции из Фузана. Полицейские ворвались в помещение народного комитета, выбили стекла, сожгли документы, избили и арестовали членов народного комитета. Многие крестьяне-общественники были арестованы, другие вынуждены были скрыться. Вскоре после разгрома народного комитета вернулись помещики и их управляющие. С помощью полиции они отобрали у нас имущество и продукты.

С каждым часом жить становилось все хуже и хуже. У меня умерли от голода жена и младший сын. С двумя старшими сыновьями я вынужден был попрежнему работать на помещичьих полях. Месяц назад мы оставили свой дом и ушли на Север...

КРЕСТЬЯНИН КИМ ДИН ОК

Наступила поздняя осень. Желтая, пересохшая от жаркого солнца земля уже давно не видала дождя. Сухая пыль клубилась по дорогам. Листья деревьев опали. Острые грани гор проглядывали сквозь поредевшие заросли кустарников. Реки обмелели и лениво несли свои воды по песчаным перекатам.

Опустели поля. Не видно было на

них корейцев с белыми повязками на головах. Не струилась по арыкам холодная прозрачная вода.

Урожай собран.

Наша машина остановилась у большого крестьянского двора, обнесенного невысокой изгородью.

Представитель местного крестьянского союза знакомит нас с высоким, статным стариком. Ли переводит:

— «Уважаемый Ким Дин Ок, старейший крестьянин этого села, просит вас быть его гостями».

Мы подходим к домику Ким Дин Ока — небольшой фанзе с соломенной крышей и раздвижными бумажными дверями, огороженной высоким плетнем. Во дворе аккуратно рядами стоят копны риса. Тут же молотильный барабан с острыми шипами, который приводится в движение ножной педалью.

Семья Ким Дин Ока занята молотбой.

Два сына Ким Дин Ока, вращая барабан, молотили рис, а их жены подносили снопы. Девочка лет девяти, внучка Ким Дин Ока, относила в сторону

охапки соломы. Четырехлетний правнучек мирно сидел на плечах у прадедушки и с любопытством следил за работой.

Оставив у порога обувь, мы входим в домик.

По старинному обычаю, глава семьи обедает за отдельным маленьким столиком. Но сегодня Ким Дин Ок садится за общий стол вместе с нами и всей семьей.

Старушка, жена Ким Дин Ока, ставит на стол множество различных блюд. В белых фарфоровых чашечках — рис (он заменяет хлеб), прозрачная лапша из крахмала, пресные бобовые лепешки с очень острыми соусами, мелко нарезанные кусочки курицы и

Вся семья Ким Дин Ока занята молотбой риса.

Семья корейского крестьянина за обедом

странная по своему виду рыба. Мы замечаем отсутствие молочных блюд. Ли объясняет, что корейские крестьяне не знают таких продуктов, как сыр, масло, творог, молоко. В Корее много коров, но их не доят, а используют лишь как тягловую силу.

Впервые нам пришлось сидеть на полу. Неумело поджав под себя ноги, мы с трудом орудуем деревянными палочками. Окружающие улыбаются, когда, напрягаясь всем телом, мы пытаемся захватить этими палочками кусочек курицы или немного рису.

Раньше Ким Дин Ок и его сыновья арендовали землю у самого богатого в этом районе корейского помещика Ким

Хон У. Существовал договор, который здесь сокращенно называли «7—3». Он означал, что семь частей собранного и обмолоченного урожая забирал помещик, а три части оставались крестьянину. Кроме того, Ким Хон У отбирал весь рис, и семье оставалась только чумиза.

Когда к власти пришел народ, народный комитет позаботился о Ким Дин Оке.

Ему отмерили два гектара земли и сказали:

«Ким Дин Ок, это твоя земля, никто ее никогда не отберет у тебя, и ты будешь собирать урожай для себя и своей семьи».

С первого же урожая, собранного со своей земли, крестьяне выделили часть зерна для рабочих и служащих города. Обоз с рисом направляется в город

Враги из Южной Кореи направляли сюда своих лазутчиков. Они говорили крестьянам: «Не работайте! У вас отберут весь урожай! Вам ничего не оставят!»

Но вот урожай созрел и убран. Десятки мешков отборного риса лежат в амбарах каждой крестьянской семьи.

* * *

До позднего вечера продолжалась наша беседа. Мы убедились воочию, что такие простые люди, как Ким Дин Ок и Ким Ен Нюр, всеми своими силами будут защищать демократические реформы, осуществленные Народным комитетом Северной Кореи. И таких простых людей в Корее миллионы.

ВСТРЕЧИ В ГОРАХ

Нам пришлось заночевать в горах северной части Кореи, на полпути между Сейсином и Хамхыном.

Ночлег мы устроили на лесной по-

лянке, в стороне от большой дороги, под сенью старого дуба.

Был теплый ноябрьский вечер. Солнце скрылось за дальними горами, но

небосвод еще был озарен багровым сиянием заката.

Тишина стояла вокруг, лишь изредка потрескивал валежник в костре, который разжег Ли, чтобы согреть немного чаю.

Как всегда бывает в горах, на огонек стали собираться редкие в этих местах путники.

Сперва к нашему привалу подошел старый крестьянин, одетый в потрепанный ватный костюм. Он нес на плечах огромный ворох сухих ветвей, крепко увязанных и аккуратно сложенных на специальных носилках.

Старик опирался на толстую сучковатую палку. Груз его был так велик, что сам он казался крохотным муравьем, который тащит на себе непомерную ношу.

Присев на корточки, крестьянин опустил поклажу на землю, поставил под носилки свою палку, чтобы потом удобнее было их поднять, и, облегченно вздохнув, подошел к огню. Мы познакомились. Старика звали Хо Ин Чо. Он рассказал, что живет внизу, в долине. Тамошние жители вынуждены уходить далеко в горы, чтобы запастись на зиму топливом.

Вслед за Хо Ин Чо к нашему огоньку подошел кореец-охотник, крепкий, мускулистый человек с ружьем в руках. Его глаза смотрели исподлобья, губы упрямо сжаты. Это был, видимо, закаленный, бывалый человек, привыкший и к тяжелому труду и к суровой охотничьей жизни. Увидев русских, он улыбнулся, подсел к костру, положив рядом с собой большое старинное ружье. Немного согревшись, он развязал свой мешок и достал из него еще сырую шкуру.

Это была шкура великолепного тигра. Шерсть ее золотилась при свете костра.

Син Ду Хван (так звали охотника) любовно разглядывал свою добычу, показывая нам сильные лапы зверя, его хищную пасть. Да, это был огромный тигр.

С присущим всем охотникам многословием, Син Ду Хван рассказал, как трое суток он преследовал зверя, который задрал его быка, как подстерег его на водопое и точным выстрелом уложил наповал.

Тигр — гроза горных районов Северной Кореи. Многие крестьяне, вооружившись, отправляются на опасную охоту, чтобы уберечь свой скот. В охоту на тигра корейцы всегда ходят один на один. Таков здешний закон.

Кореец-охотник с молодым орленком.

Рыбачья пристань в городе Циннампо. На рыбачьих лодках — курумах — развешены сети для просушки.

ГЛАВА 7

У БЕРЕГОВ ЖЕЛТОГО МОРЯ

Циннампо — один из крупнейших морских портов Желтого моря. Этот порт расположен в устье реки Тадонган.

Когда мы приехали в Циннампо, нашим глазам представилась удивительная картина. Воды реки Тадонган, которым испокон веков положено течь от истоков к устью, текли, нарушая все обычные представления и, казалось, даже законы физики, в противоположном направлении.

Это поразительное явление природы наблюдается только у побережья Желтого моря и объясняется тем, что при-

ливы и отливы, здесь чрезвычайно велики и разница в уровне воды достигает 10—11 метров.

Дважды в сутки вода поднимается настолько, что крупные морские суда могут приставать к самому берегу, а течение в устьях рек поворачивается вспять. Дважды в сутки море уходит от берегов, обнажая огромные пространства желтого иланского дна.

Эта особенность Желтого моря представляет большие трудности для мореплавателей. Даже опытные капитаны вынуждены пользоваться услугами лоцманов — знатоков здешних мест.

* * *

Раннее утро. Мы стоим у каменного паранета пристани. На обнаженном грунте полужелезат две шхуны и несколько рыбацких лодок — кунгасов.

Медленно рассеивается утренний туман; сквозь полупрозрачную пелену его постепенно вырисовываются контуры залива и легкие очертания маяка.

Туман поднимается, и теперь уже вдали можно разглядеть блистающую в лучах утреннего солнца полоску моря и силуэты кораблей, стоящих далеко на рейде.

Начинается прилив. Полоска моря заметно увеличивается. Волны, опережая друг друга, приближаются к берегу. Следом за ними движется целая флотилия рыбацких джонок: они возвращаются с лова.

До самых бортов своих джонки наполнены свежей рыбой. Здесь и длинные меч-рыбы, и пучеглазая комча, и гигантские крабы, и мелкая рыбешка, величиной с иголку, и огромные красноватые осьминоги.

Улов сгружают в большие, сплетенные из рисовой соломы корзины. Усталые, но довольные удачной ловлей, рыбаки на коромыслах переносят добычу.

Последние хлопья тумана рассеиваются, открывая голубое небо и далекий морской горизонт.

Мы отплываем на маленьком фырчащем катере и, лавируя между рыбацкими судами, выходим на простор залива.

Мимо нас плавно проходят джонки с распущенными парусами. Издали они кажутся красивыми, воз-

душными, напоминают парящих птиц, но когда подплывешь ближе, можно рассмотреть побитые борта, грязную палубу, паруса, сшитые из кусков рисовой соломы и тряпок, — следы долголетней нищеты.

Катерок выходит из залива.

Перед нами — Желтое море. Мы поворачиваем к югу и идем мимо множества мелких островков.

Экипаж катера состоит из двух мотористов и рулевого, который является старшим.

Рулевой, молодой кореец, внимательно вглядывается в даль. Нужны большой опыт и умение, чтобы не наскочить на подводный риф.

После трех часов пути приближаемся к живописному островку. Он кажется диким и пустынным. Склоны его почти отвесно поднимаются из воды.

Мы медленно плывем вдоль острова, пока не обнаруживаем небольшой залив.

Вход закрыт зубцами подводного утеса, но нас выручает привязанная к корме маленькая шлюпка.

Продавец осьминога. Осьминог — лакомое блюдо.

— Без этой шлюпки не попадешь ни на один из островков, — говорит рулевой.

Быстро работая веслом, прикрепленным к корме, он уверенно ведет шлюп-

ку среди подводных скал и подплывает к берегу, покрытому слоем ракушек и улиток, которые искрятся в лучах солнца, словно вытканый золотом и серебром ковер.

Бухта одного из островков в Желтом море.

У РЫБАКОВ

Узкая, крутая лесенка выдолблена в скале. Стертые, исхоженные ступени свидетельствуют, что здесь живут. Извиваясь по склону, каменная лесенка приводит нас к небольшому селению, состоящему из нескольких маленьких хижин, расположенных на краю утеса.

Ребятишки и женщины пугливо прячутся от нас в домики, но пожилой

кореец с характерной остроконечной бородкой подходит и, узнав от Ли цель нашего приезда, приветливо здоровается.

В этой деревеньке, обосновавшейся на маленьком острове далеко в море, жители ведут почти натуральное хозяйство. Отвоеванные у скал клочки земли обработаны под посевы и дают

немного рису и чумизы. На небольших деревянных станках, которые стоят прямо на улице, женщины ткут шелк. Но основное занятие местного населения — рыболовство.

Нас окружают детишки с веселыми, озорными личиками и пытливыми черными глазами. Мальчишки, как более смелые, осторожно трогают руками незнакомый странный прибор, стоящий на треноге. Они впервые в жизни видят киноаппарат. Мы объясняем, что его не нужно бояться и от него не нужно прятаться.

Вслед за детьми собираются старики и женщины. Мужчин нет — они рыбачат в море.

Ли Ен Чо — так зовут старика, встретившего нас — рассказывает, что до недавнего времени почти все, что необходимо для жизни, жители острова изготовляли сами. Многие еще не видели города. Об освобождении здесь узнали после того, как японский чиновник, забиравший улов рыбы, внезапно исчез и больше не появлялся. Тогда рыбаки поняли, что случилось что-то необычайное.

Несколько молодых парней, нагрузив джонку рыбой, собранной за несколько уловов, отправились на Большую землю. Они вернулись через пять дней радостные и возбужденные. Теперь все узнали, что русские навсегда прогнали японцев и в их стране началась новая жизнь.

Корейка за работой у ручной мельницы

Рыбаки повидались в городе с новыми руководителями, такими же простыми людьми, как и они сами. Впервые их спросили о нуждах жителей маленького острова и оказали помощь.

Народный комитет города Циннампо командировал сюда учителя, прислал книги и газеты.

На таких станках ткут корейские женщины.

Мы просим жителей заниматься обычным делом и не обращать на нас внимания. Девочки рассаживаются вокруг большой миски с устрицами и снова берутся за работу.

Трудно уследить за быстрыми, легкими движениями их тонких пальцев. Они ловко раскрывают устрицы и бросают моллюсков в миску.

— Это одно из самых лакомых корейских блюд, — объясняет Ли и тут же проглатывает десяток устриц.

Ли Ен Чо вводит нас в одну из хижин. На видном месте висит портрет товарища Сталина.

— Это великий человек, он хочет нам добра, — ласково говорит старая женщина, мать живущей здесь семьи.

ПО ЗАПАДУ КОРЕИ

Один из маршрутов нашего путешествия пролегал по северо-западу Кореи, к городу Сингисю. Машина шла по широкой дороге в направлении к

маньчжурской границе. Дорога была оживленная. Мы встречали много корейцев. Одни шли пешком рядом с небольшими тележками, запряженными низкорослыми лошадьми; другие сидели на двухколесных возах — арбах, груженных желтыми мешками, изготовленными из рисовой соломы; флегматичные быки с большими кольцами, продетыми сквозь ноздри, равнодушно тянули тяжелые возы. Крестьяне везли на базар чумизу, редьку, вяленую рыбу.

Женщины несли на головах большие корзины, наполненные яблоками. Их обгоняли юноши на велосипедах. На багажниках велосипедов были укреплены клетки с живыми курами и петухами.

Дорога поднималась все выше и наконец привела к горному хребту. Начались бесконечные зигзаги, повороты, крутые перевалы. На сравнительно небольшом участке от Кайсена до Сингисю мы насчитали четырнадцать перевалов. Четырнадцать раз наша машина поднималась на высоту от 800 до 1500 метров и снова спускалась в долины рек.

На одном из перевалов мы неожиданно увидели встречную машину. Пришлось остановиться, а затем зад-

По дороге к Сингисю мы встречали много жителей; женщины несли на головах тяжелый груз.

ним ходом, осторожно, чтобы не сорваться с узкой дороги, проехать более трехсот метров назад, пока не было найдено достаточно широкое место, на котором машины смогли разъехаться.

На этих дорогах, даже в самых опасных местах, нет каких бы то ни было предохранительных ограждений. И не

раз на крутых поворотах захватывало дыхание, и мы с ужасом смотрели в пропасть, по краю которой шла наша машина.

Спустившись с перевала, мы увидели широкую долину реки Амнок-кан и город Сингисю, расположенный у ее устья.

СИНГИСЮ

Сингисю — большой провинциальный город. Его называют «северными воротами» Кореи. Отсюда японцы наносили удар по Маньчжурии и Китаю. Здесь проходит основная железнодорожная магистраль, по которой японцы снабжали свои армии, находившиеся в Маньчжурии.

Два больших моста через реку Амнок-кан — железнодорожный и автомобильный — соединяют берега Кореи и Маньчжурии.

Мы осмотрели одну из текстильных фабрик города Сингисю. Внешне все казалось обычным: длинные цехи с остекленными крышами, множество машин, равномерный гул сотен вращающихся веретен. Но едва мы переступили порог цеха, как нам представилась удивительная картина. В цехе были установлены низкие станки и маленькие, будто игрушечные машины.

Крупное, оснащенное современной техникой предприятие было построено японцами в расчете на детский труд. Машины конструировались специально для малолетних рабов. На шелкоматальных, табачных и текстильных

Текстильная фабрика в городе Сингисю. Крупное, оснащенное современной техникой предприятие было построено японцами в расчете на детский труд.

фабриках японцы широко применяли даровой труд корейских детей. И тогда, когда мы посетили эту фабрику, на ней еще работало более тысячи девочек.

У ближайшего ткацкого станка работали две девочки. Какая-то неисправность в машине беспокоила их. Мы видели, как две маленькие головки, почти касаясь лбами, заглядывали внутрь. К ним подошел взрослый мастер. Здесь, среди детей, он кажется великаном. Мастер остановил машину, начал осмотр.

Одну из маленьких тружениц звали Ли Хван Сен, вторую — Ким Сан До. Они подруги. Пять лет назад японцы привезли их на эту фабрику. Тяжело было здесь работать. Надсмотрщики не прощали брака. Девочки не могли ответить, сколько часов в день они работали раньше. Они объяснили, что приходили сюда на рассвете и уходили, когда было темно.

Сейчас девочки работают пять часов в день. Не стало свирепых надсмотрщиков. Теперь взрослые мастера-корейцы заботятся о них и помогают им.

Таковы первые шаги Народного комитета по борьбе с детским трудом. Вскоре, сказали нам на фабрике, детский труд будет искоренен, корейским детям будет возвращено детство.

ГИДРОСТАНЦИЯ СУПХУН

От Сингисю дорога идет вверх, вдоль реки Амнок-кан. На отдельных участках она уходит в горы, извиваясь ме-

жду сопками, а затем снова выходит к реке.

В узкой долине мы увидели гигант-

Гигантская плотина гидроэлектростанции Супхун.

Вид на реку Амнок-кан с высоты плотины Супхун. Мачты высоковольтных электропередач установлены на высоких железобетонных основаниях, которые предохраняют их от летних наводнений.

скую плотину, которая пересекает реку, соединяя крутые берега. Это плотина гидроэлектростанции Супхун. Японцы выстроили ее в глухом месте, в узком ущелье, окруженном высокими горами.

На строительство были согнаны десятки тысяч корейцев; их заставляли работать под угрозой пыток и смерти. Люди гибли от недоедания, болезней, от изнурительного труда, длившегося годами.

Титаническими усилиями корейцев была сооружена плотина высотой в 126 метров. Многоэтажное здание электростанции рядом с плотиной кажется игрушечным домиком.

По узким металлическим лесенкам мы поднимаемся на плотину. Отсюда открывается широкая панорама: с

одной стороны видно колоссальное искусственное водохранилище, с другой — уходящая на запад река Амнок-кан.

Багровое небо заката отражается в реке.

Глядя на эту величавую, многоводную реку, окрашенную кровавым отблеском заката, невольно вспоминаешь печальные слова корейской песни:

*...Река Амнок-кан извивается лентой вокруг,
И по ней кровавый след...*

Да, поистине следы крови ведут к плотине Супхун. Это здесь, в этой плотине, были заживо замурованы случайно попавшие в бетон семьдесят корейцев-рабочих, чтобы, как объясняли японцы, «не потревожить бетонной массы».

ГЛАВА 8 ОТ ЖЕЛТОГО МОРЯ К ЯПОНСКОМУ

В середине ноября мы направились в Кенхари — отдаленное селение, затерявшееся в пустынном Амнокканском нагорье. Внизу, на побережье, было еще совсем тепло, а здесь уже стояла суровая зима.

Многие ошибаются, полагая, что климат Северной Кореи, расположенной на широте нашего Узбекистана, должен напоминать климат Средней Азии.

Климат Северной Кореи весьма своеобразен. Если среднюю летнюю температуру можно сравнивать с температурой наших субтропиков, то для сравнения зимней температуры надо обратиться по крайней мере к широте Архангельска.

Перед нами тянулась широкая снежная равнина, однообразная и скучная. Кое-где невысокие холмики оживляли пейзаж. Изредка попадались одиночные фанзы, обнесенные высокой толстой изгородью из сухих ветвей, призванной защищать обитателей от пронзительных, холодных северных ветров. Тонкие струйки дыма вились над фанзами и медленно таяли в голубом небе. Яркое горное солнце заливало снежную долину холодным зимним светом. Уже несколько часов мы мчались в легковой автомашине. Веселый шофер Юн, напевая песенку, гнал во всю. Колкий морозный ветер сильной струей врвался в окна, и в машине было холоднее, чем на воздухе.

Когда мы проехали увитую зеленью арку, которую корейцы обычно воздвигают при въезде в деревню, нас встретил представитель Советской Армии — молодой лейтенант — и руководители местного народного комитета. Машина была замечена еще издали.

Жители селения были очень обрадованы, что к ним из далекой Москвы приехали кинооператоры. Нам долго пожимали руки, похлопывали по плечу и тут же с дороги повели на строительство школы.

История этого строительства весьма поучительна.

В глухом селении Кенхари, затеряншемся среди плоскогорий, почти у самой маньчжурской границы, в прошлом была только одна маленькая школа, и та лишь для детей японцев. Вскоре после освобождения в этом помещении была организована корейская школа. Но в ней могли обучаться только тридцать ребят.

Народный комитет селения решил создать новую школу, чтобы все дети местных жителей могли учиться.

Председатель комитета Ким Е Хо, черноволосый юноша невысокого роста, столкнулся с непреодолимыми трудностями: в поселке не нашлось ни одного помещения, мало-мальски пригодного для школы. Средств для нового строительства не было. Между тем близилось начало учебного года, и оставлять ребят без школы еще на год никак было нельзя.

Тогда руководители района обратились за советом к советскому офицеру — представителю военного командования, и он их научил, как поступить. «Если за стройку школы возьмутся все жители селения, дело будет сделано», сказал офицер.

Сперва руководители народного комитета отнеслись недоверчиво к этой идее. Казалось невозможным без затраты денег построить школу.

Но когда был брошен клич, когда, по старинному обычаю, глашатаи призвали

народ, сотни людей в назначенный день пришли на строительную площадку.

В строительстве школы приняли участие не только родители школьников, но и все жители поселка. В рабочей силе не было недостатка.

Каждый день на стройку являлись сотни людей с инструментами и материалами.

Одни приносили доски и гвозди, другие — стекло, третьи — железо, четвертые — мел.

Больше других работал на строительстве рабочий лесозавода Ким Сон Цо, отец пятнадцати детей.

Он уделял стройке все свободное время и своим примером увлекал других.

Руководили постройкой директор

школы Чо Сен Хен и секретарь отделения Трудовой партии Ким Сен Нам.

Мы прибыли в Кенхари в тот момент, когда строительство подходило к концу.

И хотя мужчины и женщины еще расчищали школьный двор и кое-где еще вставляли стекла и навешивали двери, школа уже была заполнена детьми, в классах шли занятия.

Школа была построена добротно. Мы увидели просторные, отлично распланированные классы, с огромными, во всю ширину стен, окнами, с чисто выструганными полами. В прихожей стояли многочисленные шкафы с ячейками для обуви — по традиции, учащиеся должны оставлять свою обувь при входе в школу.

В строительстве школы приняли участие все жители поселка. В рабочей силе не было недостатка.

Маленькая ученица написала на доске первое русское слово — СТАЛИН.

Первый урок в новой школе.

Нам удалось запечатлеть на кинопленке женщин, которые несли на голове тяжелые корзины с камнем, рабочего Ким Сон Цо и стариков, которые вложили много труда в эту народную стройку, и детишек в классе, жадно внимавших каждому слову молодой учительницы Чон Ван Он.

В одном из классов мы присутствовали на уроке русского языка. Маленькая ученица написала первое русское слово — Сталин.

В другом классе дети обучались музыке, в третьем — пению и танцам. Девочки обучались художественной вышивке. Нам показали чудесно вышитые детьми портреты товарища Сталина; их искусству могли бы позавидовать опытные художники.

На следующий день утром мы покидали Кенхари.

Светило яркое солнце, но все же было холодно и резкий морозный ветер пощипывал лицо.

Мы тепло распростились с деятелями народного комитета Кенхари и жителями этого далекого селения.

КАСКАДЫ ЧАНДИНЧАН

— Приходилось ли вам путешествовать по горным дорогам? — спросил нас переводчик Ли, когда на равнине, по которой мчалась наша машина, стали попадаться холмы.

— Конечно!

— Так вот, если вы не ездили из Кенхари в Хамхын, то вы не знаете, что такое настоящие горные дороги, — безапелляционно заявил Ли.

— Позвольте, но ведь мы сейчас едем по равнине! До города Хамхына остается всего тридцать километров, и никаких гор впереди не видно.

— Не торопитесь, увидите, — последовал ответ.

И действительно, не прошло и десяти минут, как внезапно равнина кончилась и перед нами открылась пропасть. Где-то далеко внизу лежал горный хребет, освещенный косыми лучами зимнего солнца. В дымке на горизонте угадывалось море. Высокие горные вершины оказались у наших ног.

Мы оглянулись и увидели позади себя ровную, как стол, равнину, покрытую снежным покровом. Здесь была граница Амнокканского плоскогорья, занимающего значительную часть Северной Кореи.

Нам казалось, что еще секунда, и вместе с машиной мы свалимся вниз на скалы и острые пики. Но ловкий Юн лихо повернул руль, и машина, слегка замедлив ход, пошла вниз. Так начался спуск длиною в двадцать пять километров, который ведет от плоскогорья к Японскому морю.

Да, такой дороги мы никогда не видели. Под большим углом она круто спускается вниз и, проходя вдоль края пропасти, повторяет причудливые очертания горных склонов.

Некоторые повороты были так круты, что легковой машине приходилось останавливаться и, маневрируя по нескольку раз, двигаться назад и вперед, чтобы «вписаться» в линию дороги.

По мере спуска становилось все теплее, снега было меньше. Южные склоны совсем очистились, и лишь на северных снег лежал тонкой пеленой.

Ни живой души, ни фанзы. Нас окружали дикие, суровые горы Северной Кореи.

После одного из поворотов в мрачном ущелье вдруг показалось освещенное солнцем белое прямоугольное здание, резко выделявшееся на фоне сурового пейзажа.

Это была первая из четырех гидроэлектростанций знаменитого каскада Чандинчан.

Наряду с плотиной Супхун каскадные гидроэлектростанции Чандинчан относятся к гигантским сооружениям. На плоскогорье было устроено искусственное озеро. Для этого было воздвигнуто несколько плотин общей длиной около семнадцати километров. Высеченный в скалах тоннель длиной в сорок пять километров выводит воду из озера к началу каскада.

Каскады Чандинчан. По четырем трубам, каждая из которых достигает в диаметре почти двух метров, вода попадает на первую гидроэлектростанцию.

Отсюда, по четырем трубам, каждая из которых достигает в диаметре почти двух метров, вода попадает на первую гидростанцию и приводит в движение несколько турбин общей мощностью около ста тысяч киловатт. Затем по подземным тоннелям отработанная вода спускается еще на двести метров и снова приводит в движение турбины второй гидростанции.

Еще ниже та же вода приводит в движение еще две гидростанции, последняя из которых находится почти на уровне моря.

Общая энергетическая мощность всей системы достигает 350 тысяч киловатт.

Сотни тысяч корейцев строили эти гидростанции, но ни одного из них японцы не допускали к технике управления.

Сейчас японцы изгнаны, и молодые способные корейские рабочие встали на командные посты. За короткое время они освоили управление сложными сооружениями и машинами и обеспечили бесперебойное снабжение электроэнергией городов и предприятий.

Когда мы подошли к пульту управления гидростанцией Чандинчан, моло-

дой кореец, по имени Син Ван Ду, в простом рабочем костюме, спокойно, со знанием дела производил сложное переключение. Малейшая неточность или неправильное движение могли повлечь за собой остановку предприятий или аварию. Но Син Ван Ду все делал уверенно и отлично закончил переключение.

Мы вошли в залитый лучами заходящего солнца турбинный зал.

Ровно и спокойно гудели машины, вырабатывая сотни тысяч киловатт электроэнергии для городов и промышленных предприятий Северной Кореи.

Мы закончили съемки только к вечеру. Солнце скрылось за вершинами гор. Красноватый отблеск заката освещал небо на западе, а в узком ущелье, по которому мы ехали, уже наступила глубокая тьма.

Вдали сияла залитая ярким электрическим светом гидростанция Чандинчан.

Вскоре дорога вывела нас на широкий песчаный берег.

Нас встретил тихий рокот волн и свежий солоноватый ветерок, доносивший дыхание Японского моря, которое угадывалось в густом сумраке ночи.

ГЛАВА 9

НА ЮГ

Была середина декабря, когда мы выехали из Конана, направляясь на юг, к Алмазным горам — одному из красивейших мест Северной Кореи.

На побережье еще стояла теплая погода. Снега не было, и мы надеялись благополучно миновать перевал, находящийся на полпути из Конана в Вонсан.

Чем выше мы поднимались в гору, тем сильнее чувствовали приближение зимы. Дул резкий, холодный ветер. Пришлось одеться потеплее. На высоте в тысячу метров стал попадаться снег, а когда мы забрались на самый перевал, то увидели, что здесь царит настоящая зима.

Пейзаж был удивительно похож на

Дорога неожиданно вывела нас к берегу Японского моря

наш родной, русский. Такие же стройные сосны, от основания до вершины окутанные снежным покровом. На белом фоне выделялись лимонно-желтые стволы лиственниц, потерявших свой яркий летний наряд.

Так захотелось в эти минуты возвратиться в родные места, пройти по глубокому снегу подмосковных лесов, подышать свежим морозным воздухом или промчаться на лыжах по крутым Воробьевым горам!

Но, увы, Москва далеко...

В долине, куда мы спустились с перевала, было так тепло, что пришлось снять меховые шубы.

Здесь еще стояла осень.

Крестьяне молотили рис, веяли ос-

татки чумизы, а кое-где вспахивали деревянной сохой или лопатой черную, влажную землю.

В стране, где много заводов и гидростанций, сохранились первобытные способы обработки земли. Рядом с мощными, высоковольтными линиями передач мы видели древнюю водяную ступу.

Она была устроена из большого корыта; наполняясь, корыто под тяжестью воды спускалось книзу и с помощью коромысла поднимало тяжелый деревянный пестик. Внизу вода быстро вытекала из корыта, и пестик с силой падал и ударял в ямку с зерном.

Один удар в минуту, шестьдесят уда-

ров в час, полмешка грубо натолченного зерна в день — вот и вся механизация. И такие гидроступы, или водяные мельницы, встречаются на каждом шагу.

Миновали долину. Сквозь узкое ущелье, похожее на гигантскую трубу, дорога неожиданно вывела нас к берегу Японского моря.

Мы едем на высоте двухсот метров над уровнем моря, по самому краю обрыва, откуда открывается чарующий вид.

Далеко внизу плещутся голубые волны, слегка посеребренные нежной пеной, а вокруг — крутые скалы, на которых каким-то чудом держатся карликовые сосны.

Темные силуэты криптомерий¹ вырисовываются на фоне гор и неба.

Дорога спускается к самому берегу моря. Вода касается колес машины, и временами сильная волна щедро бросает в лицо горсть соленых брызг.

¹ Криптомерия — дерево из породы хвойных.

УРОК КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА

Мы останавливаемся на ночлег в маленькой рыбацкой деревушке, прилепившейся у подножия огромной скалы.

Секретарь местного народного комитета Ким Хван, жизнерадостный юноша в зеленых галифе навыпуск и полувоенной курточке, любезно пригласил нас к себе.

Как радушный хозяин, он притащил ведра с горячей водой для умывания, заботливо уставил маленький столик разнообразными блюдами и разложил вороха теплых ватных одеял для постелей.

Когда мы устроились, поели и уже собирались отдыхать, а наш Ли уже давно спал, неугомонный Ким Хван вошел в нашу комнату с листком бумаги. Он самостоятельно изучает русский язык, но запас его слов ограничен. Поэтому Ким Хван решил воспользоваться нашим приездом, чтобы пополнить свои знания.

Урок русского языка был довольно сложным.

Ким Хван вдруг сложил руки на груди, задрожал, застучал зубами, укутал-

ся одеялом, а потом сказал по-корейски: «Чипсымнида».

Сперва мы никак не могли догадаться, о чем он спрашивает, но когда он вновь застучал зубами, затопал ногами, начал похлопывать себя руками, как бы пытаясь согреться, мы поняли, что он спрашивает, как будет по-русски «холодно».

Услышав желаемое слово, он немедленно записал его.

Мы, в свою очередь, записали слово «чипсымнида». Так в нашей записной книжке появились слова «чалкашь» («до свидания»), «тонгму» («товарищ»), «анньонг хасимника» («здравствуй») и много других. Увлечшись изучением корейского языка, мы не заметили, как пролетела ночь. Пора было отдыхать.

На следующий день у нас оказался довольно обширный список корейских слов, с помощью которого мы задали Ким Хвану несколько вопросов на корейском языке. Юноша был в восторге.

Ким Хван подружился с нами и с радостью согласился сопровождать нас в поездке к Алмазным горам.

ТАН-ЮК

В небольшом уездном городке Тан-юк, который лежал на нашем пути, нас поразило необычайное зрелище. Со всех концов городка к центральной площади шли корейнки, одетые в праздничные нарядные платья. Они шагали весело, черноволосые, румяные, в ярких блузках с громадными бантами, размахивая красными флажками, распевая веселые песни. Праздничное шествие было в честь того, что Женский демократический союз Северной Кореи принят в Международную демократическую федерацию женщин.

С киноаппаратами в руках мы догнали демонстранток и засняли несколько кадров.

Через полчаса шествие закончилось, и цветистая толпа женщин растеклась по разным концам городка. Кто-то попросил подъехать с нами до ближайшего селения. Через минуту кузов машины разукрасился яркими шелками женских нарядов. Веселые и довольные, наши спутницы возвратились домой.

Мы прощаемся с ними.

«Спасибо», по-русски отвечают корейнки.

* * *

Дорога идет то берегом, то поднимается на большую высоту.

Рядом с шоссейной тянется железная дорога. На короткий момент она появляется в расщелине между горами и тут же вновь исчезает. В Корее множество железнодорожных тоннелей. Бывает до десяти-двенадцати тоннелей на километре пути.

Железные дороги имеют здесь крутые подъемы и спуски. Пять раз мы

обгоняли поезд, шедший в одном направлении с нами; он вынужден был часто останавливаться на перегонах и поднимать давление пара, не будучи в силах преодолеть тяжелый подъем.

По пути попадались многочисленные горные реки, но сейчас в них почти не было воды.

Мосты через эти реки построены оригинально. Прямо по дну, слегка приподнимаясь над его уровнем, проложена железобетонная массивная дорога. Во время наводнений или при сильном подъеме воды всякое сообщение прекращается, так как мост оказывается под водой. Но зато, когда вода спадает, сообщение возобновляется — мост остается неповрежденным.

Ким Хван уверяет, что ни один мост иной конструкции не устоит перед разрушающей силой грозных потоков, низвергающихся с гор в период летних дождей.

Неожиданно наш дальнейший путь был прегражден устьем довольно широкой реки, впадающей в залив. Пришлось вызывать паром с противоположного берега.

Во время переправы подул сильный ветер. Брезент, покрывавший нашу машину, вдруг превратился в парус. Паром стало относить в сторону. Тоненький трос, на котором держался паром, не выдержал силы ветра и лопнул, и паром, сорвавшийся с привязи, понесся в открытое море.

Мы выпрыгнули из машины и принялись помогать паромщику, пожилому корейцу, который, орудуя шестами, пытался удержать паром на месте.

Это было очень трудно: большая глубина не давала возможности упереться в дно. Едва удавалось задержать движение на одном конце, как

паром описывал круг и несясь дальше. Наш шофер догадался снять с машины брезент. «Парус» был убран. Только после этого с помощью разных маневров шестами удалось кое-как управлять паромом.

Неизвестно, сколько времени пришлось бы болтаться в заливе, если бы, на наше счастье, не утих ветер. Волнение улеглось, и понемногу, вновь маневрируя шестами, мы стали подвигаться к берегу. Но пристать к причалу не удавалось.

Уже близился вечер, а мы все еще находились на злополучном пароме.

Наконец кто-то предложил причалить прямо к песчаному берегу. Так и

сделали. С большим трудом подплыли к берегу, но из-за тяжести машины паром уткнулся в дно метра за три до суши.

Тогда наш шофер вскочил в кабину машины. Хлопнула дверца, и не успели мы опомниться, как заработал мотор и машина двинулась вперед. Это был настоящий прыжок в воду. Задняя часть парома почти стоймя поднялась кверху, а потом с силой грохнулась вниз. Преодолевая сопротивление вязкого грунта, машина уже взбиралась на косогор.

Приоткрыв дверцу кабины, шофер лихо улыбнулся и пригласил садиться, чтобы продолжать путь.

АЛМАЗНЫЕ ГОРЫ

Поздним декабрьским вечером мы добрались наконец до горного местечка Ондзюнри, где заканчивается автомобильная дорога и откуда обычно начинают восхождение на Алмазные горы.

Сколько мы слышали об этих горах, сколько с ними связано легенд и народных преданий!

Алмазные горы — величественное скопление доломитовых глыб. Ветер и солнце, вода и время долго работали над тем, чтобы разрушить эти горы, но сердцевина их оказалась прочной. Огромные, величавые каменные громады возвышаются одна над другой, соперничая друг с другом в высоте, причудливости своих граней, форме своих вершин.

Алмазные горы насчитывают двенадцать тысяч вершин. Этот своеобразный заповедник гор справедливо считается самым живописным уголком Корейского полуострова.

Алмазные горы издавна посещались туристами. Слава о них гремела во всем мире. Но за годы войны туристов здесь не бывало. Поселок Ондзюнри, некогда славившийся ресторанами, гостиницами, чайными домиками, сейчас выглядит убого. Но придет время, и новые туристы — трудящиеся-корейцы — будут здесь отдыхать и восстанавливать здоровье.

* * *

Солнце еще не вставало над морем, вершины гор еще не озарились розовым светом его лучей, а вся наша группа уже готовилась в путь.

Прибыли проводники и носильщики со своими носилками, напоминающими «козы» для переноски кирпичей. Киноаппараты погружены. Начинаем восхождение.

Зима еще ничем не дает о себе знать. Горные реки, летом многовод-

Алмазные горы. Огромные остроконечные каменные громады возвышаются над далекими, затянутыми туманом долинами.

ные, бурливые и грозные, разрушающие скалы и на десятки километров несущие огромные валуны, теперь выглядят слабенькими, беспомощными ручейками, едва заметными на дне глубоких ущелий.

Наша экспедиция растянулась вдоль горной тропы, змейкой выходящей по склонам. С каждым часом подъем становился все круче и круче. Временами приходилось прокладывать дорогу в густом кустарнике, между цепко сплетенными ветвями. Временами карабкались по отвесным склонам, преодолевая многочисленные препятствия на пути. Встречались и узкие расщелины между гигантскими гранитными глыбами, свалившимися откуда-то сверху.

С каждым шагом дышалось все легче. Чистый горный воздух приятно будоражил кровь, заставлял сердце работать ровно и четко.

После двух часов пути мы добрались до горы Манмульсан.

Чтобы заснять выразительный кадр, необходимо было вскарабкаться по вертикальной стене почти на самую вершину скалы и там установить киноаппарат. Даже выдавшие виды, опытные проводники удивились, узнав о нашем плане.

Один из проводников снял обувь и, цепляясь за камни, поднялся на выбранную нами площадку. Затем по веревке ему были поданы штатив, аппарат и оптика. С помощью веревок, пе-

В Алмазных горах. Путь к озерам Девяти Драконов

реброшенных через скалу, на площадку взобрались и мы. Установили аппарат и приготовились к съемке.

Вид отсюда чарующий.

Остроконечные пики Алмазных гор, маленькие и большие, напоминали хищные зубы гигантского дракона.

Грани их вблизи сверкали в косых лучах зимнего солнца, а на горизонте таяли в розовой туманной дымке.

Смотришь на эти горы, и кажется — им нет конца и края.

Мы заранее радовались удачной съемке.

Но вдруг часть гор затянулась грязновато-серым туманом, который мгновенно лишил пейзаж всей его привлекательности. Не успели мы разобраться в происшедшем, как на нас откуда-то сверху обрушился резкий, ледяной декабрьский ветер. В одну секунду горы заволокло туманом. Казалось, он запутался в них, как клочья ваты в густой гребенке. Вихрь снежинок закружился в воздухе, покрывая еще теплый от лучей солнца аппарат мелкими капельками влаги.

С каждой минутой ветер усиливался. С шумом и воем он носился по ущельям, прижимая к земле кустарники, раскачивая толстые стволы многолетних сосен, разнося в воздухе опавшую осеннюю листву, больно стегая по лицу острыми льдинками.

Мы поняли, что съемка не состоится. Жалко было потраченного времени, напрасных усилий. Не хотелось уходить, чтобы еще раз не повторять тяжелого пути. Но проводники были неумолимы. Они торопили: близился вечер, а ночью идти по узкой горной тропинке опасно.

Ничего другого не оставалось, как сложить имущество, осторожно переправить его с крохотной площадки на горную тропинку и тронуться в обратный путь. Было совсем темно, когда мы добрались до Ондзюнри.

Неугомонный Ким Хван, не давая передохнуть, потащил нас к небольшому зданию, расположенному недалеко от гостиницы. Здесь били знаменитые

Ондзюнрийские горячие ключи. В скале был вырублен глубокий бассейн. Вода, наполнявшая его, была так горяча, что тело едва выдерживало ее температуру.

Мы насладились чистотой и теплотой источника, а жизнерадостный Ким Хван пополнил свой лексикон новыми словами: «баня», «горячая вода», «жарко», «хорошо», «чудесно».

ОЗЕРА ДЕВЯТИ ДРАКОНОВ

Утром следующего дня, отодвинув рамку окна, мы взглянули на небо. Темные тучи обложили его со всех сторон, но было тепло и безветрено.

Еще не рассеялся серый мрак, окутывавший горы, как мы покинули Ондзюнри.

С каждым часом погода все прояс-

Остроконечные пики Алмазных гор напоминают хищные зубы гигантского дракона.

нялась, и к десяти часам утра веселое солнышко наконец проглянуло сквозь зубцы гор и осветило долину, вдоль которой лежал наш маршрут.

На этот раз мы разделились на две группы.

Одна направилась на гору Манмульсан, другая — к озерам Девяти Драконов.

Пройдя по узкой горной тропе около десяти километров, мы добрались до водопада.

Местность была необычная. Долина, напоминавшая какую-то гигантскую чашу с совершенно отвесными черными гранитными стенами, упиралась в тупик.

Здесь со скал низвергался водопад. Высота его достигала нескольких десятков метров.

Шумные потоки воды с огромной

скоростью падали вниз. Это было внушительное зрелище.

Для того чтобы заснять горные озера, необходимо было подняться еще выше метров на четыреста. Тропы не было, и мы попросту карабкались по крутому склону горы.

Сверху мы увидели маленькие горные озера, именуемые озерами Девяти Драконов. Вокруг них возвышались остроконечные вершины, покрытые выпавшим вчера снегом. Их пики отражались в зеркальной поверхности озер. Вода была так прозрачна, что виден был каждый камень на дне; изумрудный цвет воды был непередаваемо ярок и чист.

В этот день обе группы завершили намеченную съемку, мы расстались с Ондзюпри и чудесными Алмазными горами.

ГЛАВА 10

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

Совершив путешествие по стране, мы возвращались в Пхеньян. Дорога шла вдоль 38-й параллели.

Путь лежал через отроги Алмазных гор.

В одном из ущелий дорога была перекрыта шлагбаумом, возле которого стоял советский часовой.

Стрелка показывала направление временного объезда в сторону Пхеньяна.

Здесь проходит 38-я параллель.

Мы были счастливы пожать руки советским воинам, которые вдали от родины, в глубине Кореи, охраняли мир и демократию от реакции и террора.

Молодой лейтенант — начальник поста, высокий голубоглазый украинец,

«Тарас з Киева», как он назвал себя, уговаривал нас остаться на ночлег.

— Трудно, видимо, приходится здесь? — спросили мы у него.

— И не говорите... Вот извольте взглянуть. — И лейтенант подвел нас к небольшому чулану, где были сложены десятка два винчестеров, штук тридцать ручных гранат, пять ящиков с патронами. — Этот груз мы конфисковали у диверсионной группы. Тайком хотели перебраться через тридцать восьмую параллель. И так случается ежедневно... Знаете, — добавил начальник поста, — задержанные признались, что их вооружают и направляют американцы... Наши соседи — большие мастера по части шпионажа и провокаций.

Из Женцы с Юга. Они не смогли примириться с террором, царящим в Южной Корее, покинули свои дома и тайно ушли на Север.

Во время разговора мимо нас прошла большая группа корейцев. Среди них были и женщины и дети. Мы увидели изможденные лица, воспаленные от бессонницы глаза, грязные босые ноги, рваную, покрытую пылью одежду.

— Неужели это и есть диверсанты?

— Что вы! Те молодчики совсем другого сорта. Это несчастные жертвы американского хозяйничанья в Южной Корее.

С Юга через 38-ю параллель проходит большое количество людей. Эти люди идут на Север, спасаясь от террора, голода, нищеты и безработицы.

СЕВЕР И ЮГ

Итак, мы находимся у 38-й параллели.

Мы стараемся мысленно представить эту условную линию, которая грубо

рассекает живое тело страны на две части. Появление ее было вызвано обстоятельствами военного времени. Но война давно окончена, а разграни-

чительная линия продолжает существовать.

38-я параллель стала барьером, который отделяет демократию от реакции.

К северу от нее корейский народ, получивший свободу из рук Советской Армии, узнал счастье мирной, созидательной жизни.

Здесь рабочие стали хозяевами заводов и фабрик, крестьяне — хозяевами земли, народ обрел демократические права.

К югу от 38-й параллели по воле американцев сохранен в неприкосновенности колониальный режим, уста-

новленный в Корее японскими захватчиками. Не все ли равно трудящемуся корейцу, кто поработает его — японец Абэ или американец Ходж! В Южной Корее фабрики и заводы находятся попрежнему в руках капиталистов, безработные валяются на тротуарах перед воротами заводов и фабрик, ожидая работы ради горсти риса для своих детей.

Как и прежде, хозяином земли остался помещик. И полуголодный, изможденный крестьянин попрежнему трудится на чужой земле.

38-я параллель разделяет Корею на два совершенно различных мира.

В Южной Корее. Бастуют рабочие. Тесно прижавшись друг к другу, они закрыли вход в свой завод. Они требуют восьмичасового рабочего дня, свободы и демократии.

ЛЮДИ С ЮГА

В старенькой фанзе, стоящей неподалеку от дороги, мы знакомимся с беженцами из Южной Кореи.

Перед нами двое мужчин. Дорожная пыль въелась в их лица, покрытые темным загаром. Клочья одежды свидетельствуют о перенесенных лишениях.

Один из беглецов был участником нескольких забастовок на крупной текстильной фабрике.

Он рассказывает, что забастовки были жестоко подавлены реакционерами. Требования рабочих не удовлетворены. Народ голодает. Рабочие получают нищенскую заработную плату. Они продолжают трудиться по четырнадцать-шестнадцать часов в сутки, как это было при японцах.

После того как полиция разгромила рабочий союз и силой оружия ликвидировала забастовку, рабочие фабрики сказали ему: «Иди на Север. Расскажи там о нашем бедственном положении». Он вынимает из кармана потертый листок бумаги. Это его портрет. Такие листовки висят сейчас на всех перекрестках одного из городов Южной Кореи. Его голову полиция Южной Кореи оцпила в пятьдесят тысяч иен.

Второй беглец был членом народного комитета одного провинциального городка. Но корейские реак-

ционеры разогнали народный комитет и арестовали многих честных патриотов. Ему удалось бежать. Он с волнением

В Южной Кореи. Полиция разгоняет и арестовывает бастующих

В Южной Кореи. Среди арестованных — женщины; их увозят на американском грузовике. Вглядитесь в лица этих женщин. Одна из них плачет — ее избили, но она мужественно вместе с остальными кричит своим товарищам: «Не сдавайтесь, продолжайте борьбу!»

рассказывает о жизни в Южной Корее.

И вдруг мы видим, как он расстегивает пуговицы изношенной курточки и откуда-то из-под белья достает пакет с фотографиями. Эти правдивые фотоснимки сделаны рабочими. Они убедительно подтверждают его рассказ.

Мы видим здание народного комитета, в котором похозяничали реакционеры. Выбиты стекла. Поломана мебель. На улице валяются бумаги и документы. На другом снимке показано, как корейская полиция избивает забастовщиков, на третьем — арест женщин-работниц.

ГЛАВА II

КУЛЬТУРА ВОЗРОЖДЕННОГО НАРОДА

Цой Сын Хи — народная артистка Кореи.

В далеких горных хижинах, в бедных

крестьянских фанзах, у старых корейских актеров она любовно изучала древние народные танцы.

В своем искусстве Цой Сын Хи бережно сохранила народный стиль и сумела создать новые образы.

В 1937—1939 годах Цой Сын Хи совершила поездку по всему миру и получила всеобщее признание.

Ей рукоплескал Париж, ее осыпали цветами в концертных залах Софии. Ее восторженно принимали и в маленьких театрах рабочих окраин Праги и в салонах Брюсселя.

И только на родине артистки, в Корее, японцы запретили ей исполнять корейские народные танцы и выступать в национальных костюмах. Они преследовали талантливую артистку и ее искусство.

Цой Сын Хи вынуждена была покинуть родину и уехать в Бейпин. Там она организовала балетную школу, в которой продолжала культивировать и развивать искусство корейского народного танца.

Вскоре после освобождения Кореи Цой Сын Хи возвратилась в Южную Корею, в родной город Сеул.

Но здесь ее ожидало глубокое разочарование. У власти здесь были те же изменники, которые предавали народ в

Народная артистка Кореи Цой Сын Хи исполняет «танец с барибаном».

годы японской оккупации. Теперь они вновь подняли головы под покровительством американских военных властей.

Цой Сын Хи видела, как реакционеры арестовывали передовых деятелей демократического движения, разгоняли народные комитеты, избивали рабочих, расстреливали студентов. Она не в силах была ни жить, ни творить в этом душном мире.

* * *

Летняя ночь 1946 года в Сеуле. Слабый свет уличного фонаря освещает рыбацьи шхуны, тесно стоящие у речной пристани. Слышен приглушенный говор.

На одной шхуне укладывают сети, на другой разогревают мотор, и синее пламя паяльной лампы на мгновение вырывает из полумрака сосредоточенные лица рыбаков. Идут последние приготовления. Вот якорь слегка звякнул о борт. Шхуна медленно отходит от причала, за ней другая...

На пристани, широко расставив ноги, подражая своим американским учителям, стоит кореец-полицейский. От его взгляда ничто не ускользает.

Через час шхуны с рыбаками уйдут в море и можно будет доложить начальству: «На участке происшествий не было».

Какой-то худощавый мужчина небрежной походкой проходит мимо полицейского и, шепнув ему что-то не останавливаясь, направляется к шхунам. Полицейский медленно делает несколько шагов вперед, а затем, обернувшись, скрывается в переулке.

В этот момент к шхуне неслышно подбегает рикша. Из закрытого фаэтончика выходит женщина в крестьянской одежде.

Минуты через две подбегает второй рикша. Он привозит другую женщину.

По шатким мосткам женщины быстро избегают на палубу шхуны.

Подняв паруса, шхуна мягко скользит по широкой реке к устью и берет курс на север.

Прощай, Сеул!..

Так темной ночью известная артистка Цой Сын Хи, переодетая в крестьянское платье, в трюме грязной, пропахшей рыбой шхуны тайно бежала из Сеула. Ее сопровождали преданная ученица Ким Пек Пон и несколько близких друзей.

В открытом море беглецов ждало испытание. Внезапно налетел порывистый шквал. Могучие валы с яростью обрушивались на маленькую шхуну.

Десять суток боролись люди с жестоким штормом. Удары волн сломали руль. Порвались паруса. Кончились запасы продовольствия и воды. Казалось, спасения не было.

На одиннадцатые сутки потерпевшая аварию шхуна была замечена рыбаками и на буксире доставлена в порт Циннампо.

Это была Северная Корея.

* * *

Мы познакомились с артисткой Цой Сын Хи в Пхеньяне на собрании Женского демократического союза.

Она была в европейском костюме. Запомнились нежный матовый цвет ее красивого лица, стройная фигура, изумительной красоты руки.

Цой Сын Хи пригласила нас посетить созданную ею недавно школу национального танца.

Вскоре наша грузовая машина, нагруженная прожекторами, связками кабеля, треножниками, киноаппарата-

Занятия в школе народного танца. Руководит занятиями Цой Сын Хи.

ми, подъехала к большому двухэтажному зданию под изогнутой стилизованной крышей на берегу реки Тадонган.

Навстречу выбежали ученицы-подростки в черных балетных костюмах.

Занятиями руководила Цой Сын Хи. Ей помогала Ким Пек Пон: она показывала упражнение, а затем это упражнение повторяла вся группа.

Под звуки старинного бубна ученицы то наклонялись вперед и падали навзничь, то приподнимались и опускались на пол.

Изящные движения их рук подчеркивали ритм.

Об искусстве Цой Сын Хи трудно рассказывать. Оно совершенно своеобразно.

Скупым языком жестов, точными пластическими движениями, выразительной, но строгой мимикой, необыкновенным чувством ритма, филигранной четкостью движений, в которых участвуют главным образом руки, она передает тончайшие оттенки настроения, создает запоминающиеся образы.

Стилизованные, темпераментные движения древней танцовщицы сменяются мертвым, каменным изваянием будды. Мгновение — и будду сменяет жизнерадостный, резвый корейский юноша. Сколько веселья, озорства, радости и задора выражено в этом изящном танце!

Концерты Цой Сын Хи и Ким Пек Пон пользуются большим успехом в Северной Корее.

Но Цой Сын Хи не только артистка, сделавшая так много для сохранения и развития культуры своего народа, она не только талантливый педагог и воспитатель — она и государственный деятель.

В ноябре 1946 года трудящиеся Пхеньяна избрали Цой Сын Хи депутатом в городской народный комитет, а в феврале 1947 года она была избрана депутатом Народного комитета Северной Кореи.

ПОЭЗИЯ И МУЗЫКА

Жизнь Цой Сын Хи — не исключение. Судьба актрисы характерна для многих представителей корейской интеллигенции.

Немало артистов, музыкантов, художников, деятелей культуры и искусства вынуждены были в годы японского ига покинуть свою родину.

Не много времени прошло с того дня, как Советская Армия навсегда освободила корейский народ, а в музыке, в живописи, в литературе уже появились люди, творчество которых показывает, что национальное корейское искусство сохранилось и отныне будет свободно развиваться.

Корейский народ очень музыкален, любит хорошую песню, веселый танец.

Теперь в Северной Корее зазвучали новые песни:

Были черные дни я пужда,
Под японцами жила тогда.
Хуже тюрьмы и каторги злее
Была для корейца родная Корея.
Только с прошлого, светлого года
Из России пришла к нам свобода.
Нет японцев, кончились муки —
Русские братья нам подали руки.
(Стихи поэта Пак Сен Чена)

Сотни тысяч неграмотных людей впервые сели за парты, впервые в жизни взяли в руки карандаши и тетради. Этим людям посвятила поэтесса Пак Ин Дюн свое стихотворение «Мать»:

Я стара, мне свыше пятидесяти лет.
Ну, какая из меня ученица!
Не пойду я больше в школу. Нет!
А как вечер... я бегу учиться.

Это сон иль явь? Я читаю буквы.
Я была слепа, а теперь прозрела.
Я человек теперь. Не раба, не кукла.
Будь я помоложе — песню бы запела.

Недавно в Северной Корее еще никто не знал молодого композитора Ким Ван Гюна. Сейчас все поют созданную им песню о Ким Ир Сене.

Ким Ван Гюн живет в крохотном домике в узком переулке рабочего района Пхеньяна.

Мы застали композитора за работой над симфонической музыкой. Корейский юноша был приятно удивлен нашим приходом.

Мы усаживаемся на полу рядом с ним и просим продолжать работу. Вначале он несколько смущен, но потом, словно забыв о нашем присутствии, берет в руки гитару и тихонько напевает. Только что созданную музыкальную фразу записывает в нотную тетрадь, затем снова проигрывает мелодию на гитаре, вносит поправки.

Уже много дней в Пхеньяне говорят о корейском симфоническом оркестре. Ким Ван Гюн с особой гордостью рассказывает, что группа музыкантов получила от Народного комитета необычайное задание — создать первый симфонический оркестр.

Знатоки разъехались по всей стране. В городах и селах они разыскивали музыкантов, инструменты, партитуры.

Из Маньчжурии вернулся на родину

талантливый дирижер и композитор Ким Дон Дин. Народный комитет поставил его во главе оркестра.

— Обязательно приходите на первый концерт, — говорит Ким Ван Гюн.

* * *

Оживленная толпа стоит у входа в театр.

Зал не может вместить и половины всех желающих послушать первый концерт.

Музыканты занимают свои места. К дирижерскому пульту подходит Ким Дон Дин, человек невысокого роста, с зачесанными назад волосами и одухотворенным лицом художника.

В наступившей тишине раздаются светлые, вечно живые звуки Пятой симфонии Чайковского.

Русская классическая музыка впервые звучит в Пхеньяне, и слушатели-корейцы захвачены ее прелестью.

Когда замолкли последние звуки торжественного финала, зал разразился громкими аплодисментами. В порыве восторга музыканты поднялись со своих мест и вместе со слушателями приветствовали гениальное произведение русского искусства.

Во втором отделении оркестр исполнил симфоническую поэму композитора Ким Дон Дина «Бангаталенг», написанную специально для этого концерта.

В прозрачных, нежных звуках поэмы выражена тоска многострадального народа. Но вот звуки растут, ширятся, и в них появляется тема борьбы с темными силами. Оптимистический финал выражает радость освобождения, счастье победы добра над злом.

Концерт закончился выступлением детского хора. Звонкими, чистыми голосами дети исполнили героическую песню «Вождь века», посвященную товарищу Сталину.

УЧИТЕЛЬ ХВАН УК

На следующий день мы посетили Музей корейской культуры, созданный по решению Народного комитета. Музей помещается в сером одноэтажном здании с массивными колоннами.

Учитель Хван Ук, организатор музея, долгие годы жил в далекой горной деревушке. В свободное время он изучал историю корейской культуры и любовно собирал экспонаты для будущего музея.

Создание корейского национального музея было мечтой всей жизни учителя Хван Ука. Его мечте суждено было осуществиться только после освобождения Кореи.

Хван Ук — пожилой человек. Дли-

ные черные волосы его аккуратно откинuty назад и открывают высокий лоб. Темная бородка окаймляет подбородок. Выразительные глаза блещут юношеским огнем. И улыбка у него юношеская, ласковая.

Учитель Хван Ук привез значительное количество экспонатов, собранных им на протяжении многих лет. Все они аккуратно расставлены в застекленных витринах.

Мы видим изящные фаянсовые вазы, украшенные причудливым орнаментом на светлозеленой глазури; проржавевшие от времени железные топоры разнообразных форм — примитивные орудия первобытного общества; куски

окаменевшего дерева, разукрашенные замысловатыми узорами; обломки могоильных плит с высеченными на них древними письменами; наконец, полуистлевшие от времени старинные книги.

Сейчас Хван Ук занят изучением новых экспонатов, поступивших в музей со всех концов страны. Он говорит, что корейская культура самобытна, имеет свою собственную историю, существенно отличающуюся от китайской и японской.

Уже в X веке в Корее существовали казенные и частные библиотеки. В 1403 году возникли мастерские для изготовления подвижных металлических литер, то-есть мастерские типографского шрифта.

Первая энциклопедия, под названием «Мунхунбико», состоявшая из ста двенадцати томов, была издана в Корее в начале XVI века.

До XV века корейцы пользовались китайским письмом, состоящим, как известно, из нескольких тысяч иероглифов.

Много лет надо учиться, чтобы су-

меть прочитать книгу, написанную этими иероглифами. Только очень богатые люди были в состоянии тратить десятки лет на изучение китайской письменности.

Корейцы изобрели простую и удобную азбуку, доступную всему народу. Взамен сложных китайских иероглифов корейцы ввели фонетическое письмо, состоящее всего из двадцати пяти основных знаков: одиннадцать обозначают гласные и четырнадцать — согласные. Путем их сочетаний обозначаются все слоги, употребляемые в корейском языке.

Алфавит настолько прост, что каждый владеющий корейским языком может научиться читать и писать в две недели.

В глубокой древности культура Кореи была на высоком уровне. Корейцы считались большими мастерами керамики. Художественные изделия из фарфора наряду со скульптурой корейцев издавна славилась по всему Востоку и успешно конкурировали с произведениями китайского искусства.

НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Самым ярким событием в культурной жизни Северной Кореи, свидетелями которого довелось нам быть, было открытие первого корейского народного университета.

Еще разрабатывался в Народном комитете проект закона об организации университета, еще разыскивались учебные пособия, еще приспособлялись к занятиям помещения, еще готовились общежития для будущих студентов, как слух об открытии университета разнесся по всей стране — от Желтого

моря до Японского, от маньчжурских границ до Цусимского пролива.

Со всех концов страны потянулись в Пхеньян молодые люди, стремящиеся к образованию.

Пешком, на велосипедах, на маленьких рыбацких лодках они добирались до столицы.

Наплыв кандидатов был так велик, что не было возможности принять даже четвертую часть всех желающих поступить в университет.

Сотни людей, которые не могли быть

В народном университете имени Ким Ир Сена. Молодые студентки, будущие врачи, работают с микроскопом.

приняты из-за отсутствия мест, не уезжали домой. По старинному обычаю, чтобы подчеркнуть свое настойчивое желание учиться, они прокалывали пальцы и кровью писали свои заявления.

Две тысячи сто восемь человек было принято в университет и среди них сто пятьдесят четыре девушки. Во главе университета — видный корейский ученый-филолог Ким Ду Бон.

Когда мы беседовали с проректором, дверь кабинета отворилась, и в комнату вошел седобородый, пожилой человек с портфелем в руках.

Мы решили, что это педагог, но оказалось, что вошедший — студент юридического факультета. Его имя Пак Сон Гу. Ему пятьдесят один год.

— Я думаю, что мой возраст, — сказал Пак Сон Гу, — не может препятствовать мне учиться, чтобы принести пользу родине. Всю жизнь я был рабочим и мечтал стать юристом. Теперь моя мечта осуществится.

В университете мы познакомились и с другими студентами.

Ча Иль Кону тридцать один год. Он был эмигрантом, жил в Маньчжурии. Вел революционную работу, был одним из организаторов Союза корейских коммунистов, сражался в партизанских отрядах.

Последние годы он находился в японской тюрьме за революционную деятельность.

После освобождения Кореи Ча Иль Кон вернулся на родину и поступил в

университет. Он учится на филологическом факультете, изучает древнюю корейскую литературу.

Молодая девушка О Мен Хи, дочь крестьянина из провинции Хамхен, учится на промышленном факультете. Через четыре года она будет первой женщиной-инженером Кореи.

В большой светлой аудитории медицинского факультета студенты работали у микроскопов, тщательно изучая и зарисовывая инфузорий.

В школе ликвидации неграмотности. За парты сели мужчины и женщины, молодые и старые.

Старый крестьянин Ким Бен Де — один из лучших учеников сельской школы.

Между столиками, наблюдая за работой студентов, медленно прохаживался декан медицинского факультета — старый врач Чен Ду Хен. Весть о создании корейского народного университета заставила престарелого ученого покинуть свой дом в Сеуле и бежать в Пхеньян.

* * *

В культурном строительстве Северной Кореи достигнуты большие успехи. В четыре раза выросло количество учащихся средних школ. Создано пять институтов и двадцать семь техникумов. Миллион двести пятьдесят тысяч человек обучаются в школах ликвидации неграмотности. Открыты девятнадцать драматических театров, около сотни кинотеатров.

С восхищением нам рассказали о том, что на долю трехсот студентов-корейцев выпала честь получить образование в высших учебных заведениях Советского Союза.

Но не только студенты — учителя, врачи, инженеры большими группами едут в Советский Союз, чтобы учиться и совершенствовать свои знания.

Общество культурной связи с Советским Союзом, председателем которого является известный корейский писатель Ли Ги Ен, ведет большую работу по переводу на корейский язык наиболее значительных произведений русской классической и советской литературы.

Видный политический деятель писатель Хан Сель Я рассказал нам о своей работе над художественной биографией Ким Ир Сена и над романом об освобождении Кореи, который называется «Подсолнечник». «Подсолнечник» — это символ Кореи, веками угнетавшейся и только сейчас нашедшей свое место под солнцем.

Недавно в Пхеньяне была организована фотовыставка, посвященная Советскому Союзу. Выставка пользовалась огромным успехом.

В библиотеке Общества культурной связи с СССР в городе Пхеньяне. Корейцы изучают на родном языке произведения классиков марксизма-ленинизма, знакомятся с книгами советских авторов

Самолет делает прощальный круг над городом. Под крылом в последний раз промелькнули серебристая лента реки Тадон-ган и тонкая вязь домиков на ее берегу. Город Пхеньян постепенно скрывается в голубоватой дымке.

Снова под нами суровые горы Кореи.

Мы прильнули к окнам самолета, и мысли наши вновь и вновь возвращаются к честному, трудолюбивому корейскому народу.

Долгий и суровый жизненный путь прошел этот народ. Дожив до часа своего освобождения, принесенного ему Советским Союзом, он борется теперь за единство и независимость, за демократию, за свои законные права.

Не следует делить этот народ на северян и южан. Нет северян и южан — есть единый корейский народ, который хочет мира и справедливости, который с надеждой смотрит в будущее и твердо верит, что никаким реакционерам и поджигателям войны, обосновавшимся в Южной Корее под покровительством американских властей, никогда не удастся вновь ввергнуть его в рабство и нищету.

Корейский народ твердо верит в свое будущее еще и потому, что прообраз этого светлого будущего ощущимо предстает перед ним уже сегодня, в Северной Корее.

Наш самолет уходит на север.

В последний раз мы видим далекую тонкую ленточку реки Туман-ган.

Демонстрация в Пхеньяне. Народ Северной Кореи горячо приветствует предложение Советского правительства об одновременном выводе всех иностранных войск из Кореи и предоставлении корейскому народу права самому решить свою судьбу

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мы поделились с вами, дорогой читатель, своими впечатлениями о путешествии по Северной Корее.

Многое из того, что мы видели, было запечатлено на кинопленке. Вернувшись в Москву, мы собрали воедино все снятые кинокадры, и в результате был создан полнометражный документальный фильм «Северная Корея».

Наша кинопленка совершила путь в 25 тысяч километров — из Пхеньяна в Москву и обратно в Пхеньян.

В июле 1947 года мы вновь прибыли в Корею и привезли с собой этот фильм, озвученный на корейском языке.

Это был первый фильм о Корее, о ее честном, талантливом и трудолюбивом

народе, который из мрака и рабства вышел на светлую дорогу свободы и демократии.

Нам довелось наблюдать, с каким глубоким волнением, с каким трогательным вниманием встретили фильм сами корейцы, впервые увидевшие на экране себя и свою страну. Они с благодарностью отмечали, что первый фильм о Корее сделан советскими людьми, верными друзьями корейского народа.

* * *

Со времени описанного нами путешествия прошло свыше двух лет. За это время в Корее произошли большие изменения. Народ Северной Кореи сумел прочно стать на ноги и смело движется вперед по пути демократического развития. Зародившиеся сразу после освобождения демократические партии и организации окрепли и выросли.

Растет благосостояние корейского народа. Успешно работают заводы и фабрики, поднимается сельское хозяйство. Введена в действие широкая программа строительных работ. Наряду с ростом народного хозяйства растут и люди. Появились опытные директора предприятий, инженеры, техники, врачи, специалисты разных профессий.

Выросли ряды передовых рабочих и крестьян. Страна гордится сотнями тысяч таких людей, как крестьянин Ким Ен Нюр, рабочий Цой Зен Сен и многие другие, с которыми мы познакомились в Корее.

Передовые люди Кореи хотят видеть свою родную страну восстановленной и единой. Но их стремлениям мешает посторонняя, чужеземная сила, вмешивающаяся в жизнь освобожденного народа.

Эта чужеземная сила — американские штыки.

Американские империалисты не собираются уходить из Южной Кореи. Они попрежнему хозяйничают там. В результате — экономика Южной Кореи подорвана, фабрики и заводы бездействуют, десятки тысяч безработных валяются на панелях; своя продукция в Южной Корее почти не производится, а рынки завалены дорогими американскими товарами.

Трудящиеся голодают. Выращенный крестьянами рис вывозится в Японию для снабжения тех, кто вскаки угнетал корейский народ.

Преследуемые полицией и террористами демократические организации ушли в глубокое подполье. Тюрьмы переполнены народными борцами за свободу и независимость своей страны.

Под прикрытием американских штыков реакционная шайка Ли Сын Мана разыграла комедию выборов и сфабриковала свое отдельное «правительство» Южной Кореи. Как и следовало ожидать, это «правительство» ничего не сделало для облегчения жизни народа. Зато оно заключило с американцами соглашение, по которому американские войска продолжают осуществлять полный контроль над Южной Кореей.

В эти тяжелые дни искусственного разделения страны и угрозы нового порабощения ее иностранными империалистами корейский народ проявил замечательное единодушие и стойкость. Американцам и их агентам не удалось разбить его на северян и южан. По призыву своих политических партий и общественных организаций, корейский народ как на Севере, так и на Юге провел в августе 1948 года всеобщие выборы и создал единый высший орган своей власти — Верховное Народное собрание Кореи.

Праздник в Пхеньяне. Маленькие корейки исполняют национальный танец.

На севере Кореи, где население беспрепятственно пользуется свободой слова, печати, собраний и организаций, выборы в Верховное Народное собрание вылились во всенародное торжество. В них приняло участие 99,97 процента избирателей. В каких странах «западной демократии» можно наблюдать такую политическую активность народа!

На юге Кореи, в царстве реакции и террора, выборы были проведены нелегально. Но и здесь, несмотря на притеснения со стороны американских властей, 77,48 процента избирателей приняли участие в выборах.

Народ выразил свою волю: в Верховное Народное собрание Кореи было избрано 572 депутата (360 — от Юж-

ной Кореи и 212 — от Северной Кореи). Это лучшие представители народа, верные патриоты родины. Большинство из них с оружием в руках боролись против японских захватчиков; после освобождения страны они смело выступали против попыток американских империалистов закабалить Корею.

Верховное Народное собрание торжественно провозгласило Корею Народно-демократической республикой и приняло конституцию.

9 сентября 1948 года было создано правительство Корейской народно-демократической республики. Главой правительства Верховное Народное собрание единодушно избрало испытанного борца за свободу и независимость корейского народа Ким Ир Сена. В со-

став правительства вошли виднейшие политические деятели Северной и Южной Кореи.

Создание молодого корейского государства было встречено с радостью и сочувствием во всех передовых кругах мира.

Советское правительство первым объявило о признании Корейской народно-демократической республики. Страны народных демократий установили дипломатические отношения с молодым корейским государством.

Создание общекорейского демократического правительства еще более сплотило силы корейского народа в борьбе за объединение и национальное возрождение Кореи.

В этой борьбе корейский народ постоянно встречал сочувствие и помощь великого советского народа. Советское правительство проводит в отношении Кореи дружественную, бескорыстную политику. Еще в 1946 году Советское правительство выдвинуло предложение об одновременном выводе американских и советских войск из Кореи, с тем чтобы предоставить корейскому народу возможность свободно решать свои внутренние дела. Но правительство США не приняло предложение Советского правительства. Оно не согласилось вывести свои войска из Кореи и позже, несмотря на требования корейского народа.

В сентябре 1948 года Советское правительство, учитывая национальные интересы Кореи, объявило о выводе своих войск из Кореи, выразив надежду, что его примеру последует правительство США. Однако американцы до сих пор продолжают оккупировать Южную Корею, препятствуя объединению страны и созданию независимого демократического корейского государства.

Советские войска покинули Корею.

Проводы армии-освободительницы вылились во всенародную демонстрацию любви и признательности великому Советскому Союзу и товарищу Сталину.

Как и в августовские дни 1945 года, дороги, по которым шли советские воины, были усыпаны цветами.

Это было волнующее зрелище.

Со слезами на глазах, с горячей, искренней благодарностью провожал корейский народ своих верных друзей.

Судьба демократии в Северной Кореи, судьба всех простых людей, населяющих ее, находится теперь в руках подлинных представителей трудового народа, борцов за его свободу и независимость.

Пожелаем же, дорогой читатель, нашим корейским друзьям новых успехов в их борьбе за единство и независимость своей родины, за торжество демократии!

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1</i>		<i>Глава 6</i>	
Путь на восток	3	Корейская земля	57
Заочное знакомство	4	Там, где выращивают рис	60
«Страна утренней свежести»	5	Хозяева земли	61
Глядя на карту	6	Южанни	61
Страницы истории	8	Крестьянин Ким Дин Ок	65
Утрата Кореей государственной само- стоятельности	10	Встречи в горах	68
Над Кореей	12	<i>Глава 7</i>	
Первые впечатления	15	У берегов Желтого моря	70
<i>Глава 2</i>		У рыбаков	72
Звезда над Пхеньяном	16	По западу Кореи	74
Сорок лет в рабстве	18	Сингисю	75
Великое зарево	21	Гидростанция Сунхун	76
Освобождение	22	<i>Глава 8</i>	
<i>Глава 3</i>		От Желтого моря к Японскому	78
После освобождения	23	Каскады Чандинчзи	80
Власть народа	26	<i>Глава 9</i>	
Герой народа Ким Ир Сен	28	На юг	82
В интересах трудящихся	—	Урок корейского языка	84
<i>Глава 4</i>		Тан-юк	85
Древняя столица	29	Алмазные горы	86
На улицах города и берегах Тадон-гана	31	Озера Девяти Драконов	89
Рабочий Цой Зен Сен	34	<i>Глава 10</i>	
Пак Ден Ай	35	Тридцать восьмая параллель	90
В Народном комитете	38	Север и Юг	91
Накануне выборов	39	Люди с Юга	93
Праздник народа	41	<i>Глава 11</i>	
<i>Глава 5</i>		Культура возрожденного народа	94
Великодушный акт	45	Поэзия и музыка	97
Наш переводчик Ли	47	Учитель Хван Ук	98
Старый рабочий Лу Сан Ок	48	Народный университет	99
В заводских цехах	51	Послесловие	103
Удобрение вместо пороха	52		

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге присылать по адресу: Москва, Малый Черкасский пер., д. 1, Детгиз.

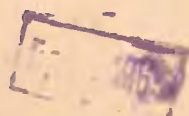
Для среднего и старшего возраста

Ответственный редактор *Б. Камир*. Художественный редактор *В. Пахомов*. Технические редакторы *В. Артамонов* и *Г. Андреев*. Корректоры *Е. Вильтер* и *Ю. Носова*. Сдано в набор 12/XI 1948 г. Подписано к печати 4/II 1949 г. 13,5 п. л. (9,23 уч.-изд. л.). Тираж 45 000 экз. А02715. Заказ № 534. Цена 6 р. 50 к.

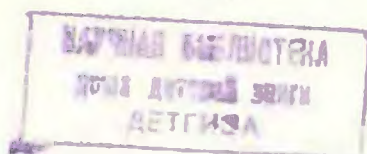

Фабрика детской книги Детгиза. Москва. Сущевский вал. 49.

601/41

31460

Цена 6 р. 50 к.